

Иван БЕЛЯЕВ

ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Неведомая Русь

Иван Беляев

**История Пскова и
Псковской земли**

«ВЕЧЕ»

1872

Беляев И. Д.

История Пскова и Псковской земли / И. Д. Беляев —
«ВЕЧЕ», 1872 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-9137-9

Псков — один из древнейших городов России — впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 903 годом. С конца IX и до XII века он, как составная часть обширных новгородских земель, входил в состав Древнерусского государства — Киевской Руси. Когда же распри и междоусобицы князей расчленили наследие святой княгини Ольги и Владимира Крестителя на множество «суверенных» земель, Псков отходит под юрисдикцию Великого Новгорода. При этом он остается достаточно самостоятельным городом, с которым, как ни с каким другим, считалось новгородское вече при решении важнейших вопросов. Реальная самостоятельность псковского веча проявилась уже в 1137 году, когда псковичи призвали на княжение изгнанного из Новгорода князя Всеволода Мстиславича, внука Владимира Мономаха. Этим политическим шагом псковичи открыто бросили вызов своему «старшему брату». В 1348–1510 годах Псков был столицей независимой Псковской вечевой республики. К началу XVI века город фактически утратил свою суверенность, а в 1510 году был присоединён к Великому княжеству Московскому. Книга известного русского историка Ивана Дмитриевича Беляева (1810–1873) расскажет о домосковском периоде Пскова и Псковской земли.

ISBN 978-5-4444-9137-9

© Беляев И. Д., 1872

© ВЕЧЕ, 1872

Содержание

Рассказ первый. Страна	7
Историческое значение Псковской земли	7
Виды владений	8
Псков – город и его части	9
Концы	11
Торговище	12
Улицы	13
Лавицы	14
Псковская земля	15
Значение пригородов	17
Губы	19
Волость	20
Рассказ второй. Люди в Псковской земле	21
Общий взгляд на псковское общество	21
Бояре	22
Купцы	27
Черные люди	29
Земцы и смерды	33
Вольные люди	35
Рассказ третий. Церковь во Пскове	36
Первоначальное положение псковской церкви	36
Положение церкви в первые 318 лет от принятия христианства	37
Ссоры с владыкой новгородским	38
Новое положение псковской церкви после мира 1347 года	40
Ересь стригольников	42
Положение церкви по уничтожении ереси стригольников	43
Беспорядки в церкви и упадок духовенства	44
Меры, принимаемые духовенством к собственной защите и поддержанию порядка в церкви	46
Попытка псковичей иметь своего епископа	47
Духовенство псковское устраивает пресвитерианское общество	48
Владыка новгородский снова вступает в свои прежние права. И новые неудовольствия и беспорядки	50
Устройство псковской церкви вообще	51
Общественное значение духовенства	52
Рассказ четвертый. Власти	53
Движение и виды власти во Пскове	53
Состав вече и его права	55
Посадник	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

И. Д. Беляев
История Пскова и псковской земли

© «Издательство «Вече», 2016

* * *

Рассказ первый. Страна

Историческое значение Псковской земли

Псков – родина великой княгини Ольги, супруги Рюрика сына Игоря, был одним из древнейших пригородов Новгорода Великого. Страна, где построен Псков, лежала на меже новгородских владений с землями чуди и летголы. Когда, собственно, был построен Псков, на это мы не имеем свидетельств; но что он был уже при первых варяго-русских князьях, на это прямо указывает наш древнейший летописец Нестор; он, говоря о браке Игоря Рюриковича, пишет: «и приведоша ему жену от Плескова, именем Ольгу». И конечно, не при Рюрике же был построен Псков, иначе бы летописец упомянул о его построении; да и нельзя предположить, чтобы новгородцы окраину своих владений, соседнюю с землями немирных чуди и летголы, оставили без надежного укрепления; такой оплошности опытные в колонизации новгородцы не любили делать и никогда не оставляли своих колоний без опорного пункта, под защиту которого колонисты могли бы укрываться в случае нужды. По всему вероятно, первоначальное построение Пскова должно отнести к тому доисторическому времени, когда новгородцы подчинили себе племя Нарову и стали выдвигать свои колонии в земли чуди и летголы. Построение укрепленного города, и построение именно раннее, здесь тем более было необходимо, что соседние племена летголы, ливы и особенно чуди вовсе не отличались мирным и уступчивым характером, а были известны жестокостью и воинственностью; так что к берегам чуди, известной у западных народов под именем эстов, побаивались приставать даже и такие морские волки, какими в то время были норманны или варяги. Это построение города на земле только что подчиненного племени и на меже с племенами не мирными и не уступчивыми, а напротив, с характером ежели не завоевательным, то грабительским или любящими пожить на счет соседей дало Пскову особенное значение и надолго определило его исторический характер как сторожевого бойца, постоянно обязанного отражать первые удары врагов. Новгород смотрел на Псков именно как на стража, оберегателя юго-западной окраины новгородских владений и с этой точки зрения определял свое отношение к нему. Точно так же и Псков понимал свое историческое значение и, по мере сил выполняя это назначение, мало-помалу так устроил всю свою страну, что она представляла собой более или менее передовую оборонительную линию, вытянутую именно по границе с немирными соседями. Чтобы убедиться в этом, стоит только взглянуть на древнюю карту Псковской земли: вытянувшись с юга на север по реке Великой и по восточным берегам Псковского и Чудского озер, она мало углублялась на запад и восток и главным образом представляла собой неправильный ряд укреплений, преимущественно расположенных на западной и юго-западной окраинах, примыкавших к землям чуди, летголы и литвы, эти укрепления постоянно распространялись и поддерживались в продолжение всей истории Пскова.

Виды владений

Псков, как пригород Новгорода Великого, имел те же виды владений, как и Новгород; но характер этих видов по местным обстоятельствам был не совсем одинаков с характером владений новгородских. Виды псковских владений были следующие: первый вид – сам Псков как древнейшая новгородская колония в здешнем краю, первый опорный пункт здешних новгородских поселений, гнездо здешней славянщины; второй вид – Псковская земля, или земля Святыя Троицы, где были построены древнейшие псковские пригороды, занятые сплошным псковским или славянским населением, где уже были вытеснены иноплеменники и где слышалась одна славянская речь; третий вид владений составляли колоши, или волости псковские в чужой земле, это псковские города и укрепленные селения, рассыпанные в землях летголы и чуди, по всему вероятно незначительные и поддерживаемые, собственно, для того, чтобы иметь влияние на соседей, вести с ними торговлю и при случае собирать с них дань.

Псков – город и его части

Псков как город составляли следующие части: Детинец, Кром, Город, Полонище, Запсковье и Завеличье. Самое древнее поселение во Пскове, гнездо Пскова, был Детинец, лежавший в углу, образуемом реками Великой и Псковой, и недалеко от Псковского озера, соединенного с Чудским озером, или Пейпусом, он стоял, собственно, на берегу реки Великой, на высоком холме, и был первой крепостью, построенной новгородцами в земле племени наровы; в XIII столетии он был уже обнесен толстою плитяною стеною, построенною знаменитым псковским князем Довмонтом. В Детинце находилась главная соборная во Пскове церковь Св. Троицы, имевшая для псковичей то же значение народной святыни, какое для Новгорода имела церковь Св. Софии; но по историческим обстоятельствам Пскова церковь Св. Троицы носила на себе несколько иной характер, чем новгородская церковь Св. Софии, в ней главное управление было не столько в ведении духовенства, сколько в руках мирских людей, старост, выбираемых городом и состоявших в зависимости от народного веча.

При церкви Св. Троицы имелась особая палата, или притвор с городским ларем, в который вносились на хранение как государственные законы, так все частные договоры, сделки и крепости, для записки которых велись в Троицкой палате особые книги, состоявшие в ведении мирских людей – ларечных старост, избираемых на это вече. Печать Святые Троицы была собственно государственною печатью и заменяла собою в случае нужды княжью печать, как это прямо свидетельствует судная псковская грамота, в которой сказано: «А не запечатает князь, ино у святей Троицы запечатать, в том измены нет».

За Детинцем, между Псковой и Великой, следовал Кром, главный город, где хранились все хлебные и другие общественные запасы и казна, где собиралось народное вече, где жил псковский князь или его наместник, и где была главная торговая площадь с торговыми дворами и лавками. Вече собиралось собственно под стеною детинца, у подножия Довмонтовой башни, близ церкви Св. Троицы, где висел вечевой колокол и где устроены были особые степени для заседаний веча; по крайней мере, по свидетельству летописей, здесь было обычное место веча с конца XIII века. Кром, или Крем, вскоре после Детинца также был обведен каменною или плитяною стеною, от реки Псковы до реки Великой.

За Кромом следовал собственно город, где находились более древние концы и улицы. Этот город в 1309 году был укреплен плитяною стеною от церкви Свв. апостолов Петра и Павла до реки Великой, построенною посадником Борисом. За рекою Великою, против Детинца и Крома, лежал посад Завеличье, где стоял немецкий торговый двор и где производилась главная торговля с западными иноземцами. Завеличье во Пскове до некоторой степени напоминало Варяжскую или Варьскую улицу в Новгороде, где по берегу Волхова лежали иноземные пристани. Против Крома и Города, на левом берегу Псковы, лежал посад Запсковье; а на восток и юг по реке Пскове, на правом берегу, вплоть до реки Великой, – посад Полонище.

Таким образом из шести частей Пскова четыре: Детинец, Кром, Город и Полонище – лежали в углу, образуемом реками Псковой и Великой, в месте, самой природой защищаемом означенными реками от нападения врагов с запада и юга, откуда преимущественно и должно было ждать нападений; остальные же две части находились в заречье – на левом берегу Великой – Завеличье и на левом берегу Псковы – Запсковье. Сии две части Пскова долгое время оставались без укреплений и обыкновенно при нападении неприятелей, в случае нужды, сжигались самими псковичами. Но зато Кром, Детинец и Город как боевые пункты, удобные для защиты, постоянно укреплялись каменными стенами, которые время от времени подновлялись и увеличивались. Так, мы уже видели, что вокруг Детинца была

устроена толстая плитяная стена, возведенная еще князем Довмонтом; потом вскоре были укреплены такими же стенами Кром и Город. Далее, в 1373 году, псковичи поставили четвертую плитяную стену от Псковы до Великой, которая служила общею обороною для Детинца, Крома и Города. Эта стена была проведена неподалеку от старой стены. В 1394 году выстроена новая стена около Крома; в 1399 году псковичи соорудили новую стену к старой стене, на приступе от реки Великой до Псковы, и по этой стене поставили три костра или башни; в 1401 году заложили новую стену к старой стене, каменную подле реки Великой; в 1404 году такая же стена была выведена по берегу Псковы, подле старой стены, толще и выше. В 1452 году была построена новая стена на городе на Кромѹ от великих ворот возле входа до малых ворот; и в той же стене уложено пять погребов, или подземных ходов; в 1458 году ту же стену надделали выше. В 1465 году посажане Запсковья сами на свой счет заложили деревянную стену около всего Запсковья, от реки Великой до Псковы. Эта постоянная забота об укреплениях и самый выбор местности для построения города лучше и нагляднее всего указывают на боевое значение Пскова как передового поста на окраине, соседней с немирными племенами, и резко отличает характер Пскова от Новгорода Великого, который сравнительно со Псковом почти не заботился о своих городских укреплениях и по своему положению долгое время не нуждался в них.

Концы

Псков, разделенный на шесть частей, представлявших как бы отдельные города, выстроенные в разное время и, как слои, указывающие на постепенное распространение и усиление целого города, в то же время делился, подобно Новгороду, в административном отношении на концы и улицы. По летописям, в 1454 году во Пскове считалось шесть концов, носивших следующие названия: Богоявленский конец в Запсковье, Опоцкий конец в Полонище, Торговский и Боловинский концы в Крому, Городецкий конец, вероятно, в городе и шестой конец Острые Лавицы. Концы в Пскове, так же как и в Новгороде, составляли свои отдельные общины, из союза которых состоял Псков; они имели свое управление, своих выборных старост; жители их состояли из бояр, купцов и черных людей, которые все, подобно новгородцам, принимали деятельное участие в делах всей Псковской земли. От имени концов и всего Пскова заключались договоры с соседними государями, и от концов посылались бояре на съезды: так, в 1471 году для переговоров с королем Литовским на съезд на Березничи были отправлены четыре посадника и бояре от всех концов; или в 1473 году для переговоров с магистром Ливонским Псков отправил трех старых посадников и бояр от концов. Но значение концов во Пскове было не совсем одинаково с их значением в Новгороде; ибо у псковичей между концами были разделены все псковские владения, так что каждому концу причислялись те или другие пригороды Псковской земли, чего в Новгороде вовсе не было. В Псковской летописи под 1468 годом прямо сказано: «Тою же весною Псков поделил по два пригорода на все концы; к каждому концу к старым пригородам новые жеребьем делили, а брал жеребьи князь Василий, князя Федора Юрьевича сын с престола». Псковские концы во время военных походов отражали от себя особых воевод, которые предводительствовали как кончанскою ратью, так и ратью тех пригородов, которые подчинены концу; так, под 1478 годом при походе псковичей на Новгород, «в помощь великому князю Московскому, сказано: в псковской же рати были отряжены воеводы, семь посадников и иные сынове посадничьи, и бояре и дети боярские многие у псковской рати воеводами из концов отряжены». Концы как самостоятельные общины, управлявшие не только улицами во Пскове, которые им принадлежали, но и определенными пригородами в Псковской земле, имели каждый свое особенное хозяйство и сборную казну, на которую каждый конец по мере надобности воздвигал общественные здания, и из которых делал другие затраты по своим общественным нуждам. Так, в 1466 году, по случаю мора во Пскове каждый конец построил по скудельнице для погребения своих умерших; или в 1471 году для построения новой стены на Полонище все концы делали раскладку или разрубы отдельно, каждый конец на свою долю стены. Каждый конец даже имел свои склады оружия на защиту города, свои пушки и свои погреба с порохом; так, под 1507 годом читаем в летописи, «что во время пожара в Запсковьи зелий пушечных (пороха) сгорела бочка, занеже ту зелия всего конца стояли».

Торговище

Торговище, или торговые ряды, устроенные в Крому, и со всею торговою площадью составляли особый конец, носивший название торгового и представлявший отдельное ведомство, которое управлялось самостоятельно и независимо и имело своих купеческих старост, по каждому ряду своих. Так, по крайней мере, можно заключить из летописного известия под 1510 годом, в котором сказано, что псковичи послали к великому князю Василию Ивановичу в Новгород девять посадников и купеческих старост от всех рядов.

Улицы

Кроме концов Псков еще делился на улицы; сколько было улиц во Пскове и какие из них были главные, по летописям и по другим памятникам определить в настоящее время мы не можем. Но то несомненно, что в Пскове улицы составляли особые общины с своим местным управлением и старостами, точно таким же порядком, как это было в Новгороде; члены улиц, т. е. домохозяева, у псковичей назывались суседами и имели общие дела целой улицы; так, в летописи под 1433 годом сказано: Петровские суседи, т. е. уличане Петровской улицы, разбили старый костер (башню) и выстроили из камня церковь Бориса и Глеба: или в 1486 году Запсковские суседи (Богоявленский конец) строили одну треть стены, а Козьмодемьянские суседи – две трети стены. Как в Новгороде каждая улица имела свою общину, или место для управы и суда между уличанами, где хранились и общественная казна улицы, и разные книги и списки уличанам; так точно и во Пскове каждая улица имела свое место суда и управы, где заседали при рассуждении об общественных делах уличане с своим старостой.

Лавицы

Эти места уличанской управы во Пскове, кажется, назывались лавицами, как и всякое место управления и суда, о чем намекает следующее известие Псковской летописи, помещенное под 1504 г.: «А легла та грамота митрополича пред посадники псковскими и священники у лавицы». По летописям упоминаются следующие лавицы: в Запсковье Жабья лавица и Жирковская лавица; в Боловинском конце Боловинская лавица, Боркова лавица; Куклина лавица, в Опоцком конце, Ропатая лавица; в Острые лавицы конце Острая лавица. Впрочем относительно значения лавиц во Пскове нельзя сказать с полной достоверностью; ибо по некоторым указаниям летописей можно думать, что лавицами назывались особые улицы: так, под 1493 годом читаем в летописи: «Того же лета церковь каменну свершиша святого Георгия на болоте, в Острой лавицы». Вообще значение лавицы во Пскове по известным в настоящее время памятникам довольно неясно и неопределенно.

Псковская земля

За городом Псковом следовала Псковская земля, или земля Святыя Троицы, т. е. владения Пскова, находившиеся в полной власти Псковского веча и преимущественно населенные псковичами. Псковская земля прямо от Пскова по течению реки Великой шла на север по восточному берегу Псковского и Чудского озер, может быть, до впадения реки Плюсы в Нарову. На востоке Псковская земля граничила с Новгородской землей, и рубеж ее лежал по течению рек Плюсы и Лютой на Дубровну и с Дубровны несколько к западу на реку Череху, постепенно склоняясь к реке Великой, захватывая восточные притоки этой реки и оканчиваясь у Опочки, крайнего южного пригорода Псковской земли. С Опочки рубеж Псковской земли поворачивал на запад и сходилась у Вышегородка с Полотскою и Литовской землей, а далее шел по восточной границе ливонских владений до западного берега Псковского озера, южная половина которого принадлежала псковичам, западная граница была в постоянном споре у псковичей сперва с летголою и чудью, а потом с ливонскими немцами, а посему то выдвигалась далее на запад, то отодвигалась назад к востоку, смотря по тому, усиливались ли или ослабевали в этом краю псковичи. Самое густое население Псковской земли шло по течению реки Великой почти от верховьев ее до устья. На этой реке, кроме самого Пскова, стояли лучшие псковские пригороды: Опочка, Вороначь и Остров. Все это пространство вполне принадлежало Пскову, заселено было псковичами и тянуло своими интересами и всей своею жизнью ко Пскову; здесь псковское вече было полным и постоянным хозяином, или, иначе сказать, все это пространство составляло одно неразрывное целое со Псковом, и в разное время было застроено псковскими пригородами, которые преимущественно были расположены по реке Великой, а именно по левому или западному ее берегу, как более нуждавшемуся в укреплениях. По реке Великой стояли восемь псковских пригородов; из них самый южный, почти в верховьях Великой, был Опочка в 120 верстах от Пскова; за Опочкою, вниз по реке Великой, Вороначь; за Вороначем на север следовал Дубок; далее за Дубком на повороте реки Великой к западу – Остров, упоминаемый в летописях еще в XIV столетии и выдержавший несколько осад от немцев и литовцев; на север за Островом на реке же Великой стоял город Котельно, и наконец за Псковом на север почти при впадении реки Великой в Псковское озеро был построен псковичами пригород Володимерец. В этом же краю неподалеку от реки Великой на ее притоках были построены города; Врев около Воронача и Кошкин городок в углу, образуемом реками Великой и Черехой. По южной границе, ближе к литовско-полотскому рубежу, стояли псковские пригороды: Вышгородок на реке Ладе, впадающей в реку Великую с левой стороны; Коложе, кажется на реке Лже, тоже притоке Великой; Красный городок во 100 верстах от Пскова, на реке Синей, тоже впадающей в реку Великую с левой стороны; Заволочье при верховьях реки Великой в 200 верстах от Пскова; Ржев неподалеку от Себежского озера. На западной границе по рубежу с ливонскими немцами, летголою и чудью древнейшим пригородом Пскова был Изборск, упоминаемый еще в IX столетии при приглашении Рюрика в Новгород; он лежал на юго-западе в 30 верстах от Пскова на Славянских ключах и считался главным оплотом Псковской земли в этом крае, был укреплен плитяной стеной и большей частью удачно выдерживал многочисленные осады немцев. За Изборском в этом краю следовал пригород Велья, несколько на север от Изборска; этот пригород в первый раз упоминается в XIV столетии; он также считался передовым бойцом Псковской земли против ливонских немцев и, будучи хорошо укреплен, удачно выдерживал неприятельские осады. Далее, на западном берегу Псковского озера на самых границах с ливонцами, на урочище Желачка, долго бывшем в споре между ливонскими немцами и псковичами, псковичи в 1462 году выстроили Новый Городец; в этом же краю неподалеку от Псковского озера налево от устья реки Великой стоял ближайший к

Пскову пригород Лагозовицы, весьма важный для защиты рыболовства на Псковском озере и посему часто подвергавшийся нападению ливонских немцев. На самом севере Псковской земли у восточных берегов Чудского озера, вероятно для обороны от чуди и немцев со стороны Наровы реки, стояли два псковских пригорода: Гдов, самый дальний на север в 120 верстах от Пскова, и ближе к Пскову в той же стороне – Озолица; и наконец – там же на рубеже с новгородскими владениями, Кобылей. Впрочем не было времени, когда бы все псковские пригороды были налицо в полном составе, а напротив, пограничные города, подвергаясь частым нападениям неприятелей, то разорялись и приходили в запустение и на их место устраивались новые города, то опять возобновлялись старые; так что никогда Псков не имел более двенадцати пригородов в одно время; а при падении Пскова было только одиннадцать пригородов и одно городище.

Значение пригородов

Во Пскове пригороды далеко не имели того значения, каким они пользовались в Новгороде. Псков смотрел на них не как на младшие Псковы и поэтому держал их в полной зависимости от псковского веча, и хотя они по устройству своему уподоблялись Пскову, но далеко не пользовались тою самостоятельностью, какою пользовались пригороды новгородские. Псков, по преимуществу придерживавшийся демократических начал и заботившийся не допускать, чтобы кто усилился перед псковским вечем в Псковской земле, зорко смотрел за своими пригородами и строго преследовал тех, которые бы решились что-либо сделать самовольно. А посему пригороды в Псковской земле большей частью имели только значение крепостей, как на это довольно ясно указывает самое размещение псковских пригородов преимущественно по западной и южной границам, бывшим во все продолжение псковской истории небезопасными от неприятельских нападений. Кроме того, пригородам во Пскове принадлежало значение административных центров для управления приписанными к ним волостями; но это значение было второстепенное и не необходимое, ибо во Пскове волости могли управляться и на деле управлялись нередко сами собой и прямо относились к псковскому вечу или посадникам без посредства пригородов, как это указывают многочисленные волости на восток от реки Великой, где почти не было пригородов, как в краю соседнем с Новгородской землей и, следовательно, безопасном от неприятельских нашествий.

Самое управление в пригородах всегда было подчинено строгому контролю псковского веча, которое даже судебные приговоры в пригородах нередко подвергало новому пересмотру и решению. Пригороды во всех сколько-нибудь значительных делах суда и управы должны были просить разрешения во Пскове, в противном случае подвергались гневу Псковского веча и тяжелому штрафу; так, в 1477 году Псков опалился (разгневался) и продал Опочан (наложил штраф на Опочку) и взял сто рублей за то, что они повесили коневого татя, а без псковского повеления. Нет ни одного указания в летописях, из которого бы можно заключить, что представители пригородов приглашались на псковское вече для общих рассуждений, как это иногда бывало в Новгороде; напротив того, все летописные известия указывают на одно – что пригороды были только беспрекословными исполнителями приговоров псковского веча. Так, во время войны пригороды выставляли своих воинских людей по участкам, которые определялись псковским вечем, – по сколько человек ратных людей нарядить с пригорода, и таковые ратные люди назывались рубленые ратные люди, т. е. наряженные по разруб, по раскладке, сделанной псковским вечем. Например, под 1463 годом летопись говорит: «И совокупишася псковичи с пригорожаны пошли к Немецкому городку; а иная псковская сила, нерубленые люди, охочий человек, в то же время ходили за Изборск воевать Немецкую волость». Или: в 1480 году при нападении немцев на Псков пригороды по псковскому повелению явились с своими ратями по раскладке и стояли на бродах по реке Великой, не пропуская немцев чрез реку. Или: в 1498 году по псковскому повелению пригороды съехались со всей ратной приправой на реку Плюсу к Ивангороду на съезд с немцами затем только, чтобы удобнее вести переговоры о мире. В летописях нет ни одного известия, чтобы какой-либо пригород ослушался псковского повеленья или начал отговариваться и уклоняться от исполнения приказа псковского веча.

Пригороды по распоряжению псковского веча должны были принимать не только посадников, присылаемых из Пскова, но и княжих наместников, воевод и других начальников; и в этом отношении пригороды разделялись на два разряда: в одни посылались княжие наместники, а в другие не посылались. Кроме того, как мы уже частью видели, пригороды делились по жеребью между концами Пскова, так что каждому концу подчинялся тот или другой пригород. Этот раздел по жеребью прямо показывает, что распределение пригородов

по концам было чисто административное, а не бытовое или жизненное; сам по себе пригород не имел никакой связи с концом; он не был колонией конца, а приписывался к концу только по определению общего псковского веча, которое руководилось не интересами пригородов, а чисто административными соображениями крепче связать каждый пригород двойным подчинением и вечу конца, и общему вечу целого Пскова.

Псковские пригороды вовсе не были младшими братьями или детьми Пскова и устраивались не столько с целью мирной колонизации края, сколько из видов обороны Псковской земли от нападения немирных соседей. Это лучше всего свидетельствуется самым построением пригородов: пригороды во Пскове обыкновенно строились или самим Псковом, по военным соображениям, преимущественно взамен старого какого-либо пригорода, уничтоженного неприятелем или самими жителями того края, где строился пригород, по их просьбе и на их счет, только с разрешения псковского веча, а также с целью обороны от врагов, как опорный пункт, куда бы жители могли укрываться при неприятельском нашествии. Так, в 1476 году, по свидетельству летописи: «Приехали слобожане из Кокшинской волости, и стали бить челом князю Ярославу и посадникам псковским и всему Пскову, (т. е. вечу), чтобы их пожаловали, освободили им на городице у речки у Лоды город ставити: и Псков на вече освободил и грамоту дал, что им сими часы запасы всякие запаса, на том месте класть, где быть городу, а дана грамота Марта в 10 день, в неделю». И в том же году на лето послали псковичи двух посадников и бояр своих из всех концов окладати города городча у речки у Лоды в Кошкинской волости. Таким образом, псковские пригороды собственно были, как первоначально и сам Псков, только крепостями, защищавшими русскую цивилизацию от напора иноземцев, враждебно относившихся к занятию края русскими. Даже незаметно, чтобы псковские пригороды процветали торговлей или другими какими промыслами, как это мы встречаем в иных новгородских пригородах. Хотя нет сомнения, что Псковская земля относительно промышленной и торговой предприимчивости не уступала Новгородской; но торговля и все промыслы в Псковской земле производились самими жителями волостей и губ без посредства пригородов. Таковому порядку, между прочим, много способствовало самое расположение селений в Псковской земле, преимущественно по рекам, которые самой природой все соединялись с рекой Великой, а Великая шла прямо в Псков и туда же тянула всю Псковскую землю с ее произведениями, и, таким образом, торговля всей Псковской земли сосредоточивалась в самом Пскове и почти не нуждалась в местных центрах, а с тем вместе, естественно, пригороды почти не имели никакого торгового значения.

Губы

Губы во Пскове значили то же, что присуды в Новгороде, к ним тянули судом и управою приписанные к ним волости и селения. Губами заведывали губские старосты, которые избирались местным населением из своей же среды. О начале губ в Псковской земле мы не имеем никаких определенных данных; но едва ли не должно признать, что губы первоначально образовались из древних округов по уголовным делам, известных по Русской Правде под именем вервей или вервин; следовательно, губы первоначально были учреждением бытовым, относящимся только до разбора дел по убийствам и разбоям; впоследствии же во Пскове администрация воспользовалась сим бытовым учреждением и образовала из него местный суд по всем делам и гражданским, и уголовным, и даже по делам местной управы. Во Пскове образование и развитие губ с таким значением тем более было необходимо, что пригороды с характером военных крепостей не совсем удовлетворяли потребностям местного суда и управления. К тому же псковское вече не любило давать пригородам полную власть над окружающей их страной, а напротив, старалось, чтобы власть везде была не единичная. Притом же громадная, сравнительно, доля псковских владений – весь край на восток от реки Великой до границ Новгородской земли – почти не имела пригородов, а между тем тамошние волости были хорошо населены и, конечно, нуждались в местном суде и управе; и для этих волостей губы были единственными судебными и административными центрами. Здесь губы в административном отношении заменяли собою недостаток городов и сообщали всему краю сплошной сельский характер, не замечаемый в других краях тогдашней Русской земли.

Волость

Волость во Пскове значила то же, что погост в Новгороде, и состояла из нескольких сел и деревень, которые непосредственно управлялись выборными волостными старостами. Как погост в Новгороде, так точно и волость во Пскове были первоначально бытовой формой псковских поселений; волость в Псковской земле значила то же, что улица в самом городе Пскове, т. е. бытовую единицу, общину: ибо во Пскове, так же как и в Новгороде, деревни и селения были очень малы для того, чтобы составлять самим собою сколько-нибудь самостоятельное целое, и посему спешили примыкать к какому-нибудь ближайшему центру, составить общину; и этой общиной у псковичей была волость, а у новгородцев – погост. Но псковская волость, означавшая то же, что новгородский погост, с тем вместе имела и высшее значение и пользовалась большей самостоятельностью. У псковичей волости, как уже было замечено выше, большей частью зависели прямо от псковского веча без посредства пригородов и даже по своим соображениям сами, с разрешения псковского веча, строили на своей земле пригороды; тогда как Новгородские погосты селились на земле, подчиненной пригородам, и посему зависели от своих пригородов, а не прямо от новгородского веча. Вообще псковское вече более было расположено в пользу волостей, не могших представлять серьезного сопротивления приговорам веча, нежели городов, которые имели более возможности к сопротивлению, как центры более сильные и сосредоточенные.

Псковские волости, подобно новгородским погостам, состояли из сел и деревень разных разрядов по праву владения землею. В одной и той же волости были деревни черные, принадлежавшие общинам и не составлявшие ничьей личной собственности, и деревни владельческие, земля которых составляла частную собственность или монастырей и церквей, или бояр и купцов, или принадлежала какой-либо улице или концу в городе. Но различие сел и деревень, по праву владения землей, не полагало никакого различия относительно суда и управы; суд и управа по общему порядку принадлежали выборным от самого местного общества старостам, которым в этом отношении подлежали и сами землевладельцы наравне с крестьянами, даже живущими на их землях; патримониальная юрисдикция, или вотчинный суд и управа, во Пскове, кажется, вовсе не существовали, разве за весьма незначительными исключениями, по особым привилегиям, которые давались не иначе как по приговору общего псковского веча.

Рассказ второй. Люди в Псковской земле

Общий взгляд на псковское общество

Псков, как колония Новгорода, и притом такая колония, которая постоянно находилась в самых близких отношениях со своей метрополией, почти до половины XIV столетия, естественно, должен был усвоить все новгородские порядки, и он действительно их усвоил, но согласно с местными условиями общественной жизни дал им свой оттенок и, таким образом, значительно изменил их, соображаясь с местными условиями, сообщил им свой тип, который при видимом сходстве далеко не походил на тип новгородский. Таковому важному изменению прежде всего способствовало то, что Псков был колонией Новгорода; следовательно, многое в устройстве, что в Новгороде складывалось и выделялось долгим опытом жизни общества, во Псков было принесено готовым, конечно, не совсем подходящим к местным условиям псковского общества, гораздо младшего сравнительно с новгородским обществом; и посему старое готовое устройство во многом должно было изменяться и прилаживаться к новому и первоначально незначительному обществу. Потом, с другой стороны, новгородские порядки должны были во многом видоизменяться во Пскове, потому что Псков был поставлен в необходимость постоянно отбиваться от немирных соседей, будучи построен на самой границе; тогда как в этом отношении Новгород был поставлен совсем в другие условия, по крайней мере за то время, когда уже появился Псков, первоначально же, конечно, были те же условия и в Новгороде.

Все это заставило псковское общество сложиться иначе, нежели новгородское, хотя оно первоначально заимствовало у Новгорода и людей его, составлявших и самое общественное устройство, и долго находилось в постоянных и тесных сношениях с Новгородом. Самые элементы псковского общества были те же, которые были и в новгородском обществе, т. е. ильменские славяне, вышедшие из Новгорода, и туземные финские племена, жившие по Нарове, около Чудского озера и по реке Великой; даже взаимные отношения сих двух элементов, вообще смотря, были те же, как и в Новгороде, т. е. отношения пришельца колониста к туземцу старожилу. Но за колонистом псковичей стоял новгородец; отсюда, естественно, пскович действовал смелее и самонадеяннее, опираясь в случае нужды на новгородца, что действительно почти всегда и бывало, как свидетельствуют памятники; а с другой стороны, и туземный чудин-эстонец, сосед большого озера и моря, был смелее и напористее, нежели тот же финн, живший в средоземье. Об эстонцах, как мы уже упоминали, скандинавские саги прямо говорят, что это племя отличалось воинственностью и страшно было своими морскими разбоями и жестокостью. Следовательно, по местным обстоятельствам колонизация, доставшаяся на долю Пскова, по необходимости во многом разнилась против мирной колонизации новгородской. Волей-неволей война была постоянным уделом псковича и изборянина, и притом война мелкая, в которой каждый поселенец был в одно и то же время и земледельцем или торговцем, и воином, — северным казаком, человеком самостоятельным, твердым, неподатливым и тугим на покорность. А посему псковское общество, сложившееся по новгородскому образцу, хотя и признало у себя те же классы, которые были и в Новгороде, т. е. больших людей и меньших, — бояр, купцов и людинов, общинников, — тем не менее отношение и значение сих классов, по самому характеру людей, их составлявших, было совсем не таково, как в Новгороде.

Бояре

Первый класс в псковском обществе составляли бояре: но замечательно, в Псковских летописях бояр нигде не называют вящими передними людьми, большими людьми, хотя самое название бояр и сохранилось. Бояре псковские были одни и те же с новгородскими боярами. По тесной связи Пскова с Новгородом и по отношениям Пскова как пригорода к Новгороду как к метрополии, одни и те же фамилии были боярами и в Новгороде, и в Пскове и переходили из Новгорода в Псков и из Пскова в Новгород почти в продолжение всего первого периода псковской истории, т. е. в продолжение почти пятисот лет, известных истории. Так, например, Мирослав Гюрятинич, новгородский боярин, в 1126 году был выбран в новгородские посадники, а в 1132 году получил посадничество в Пскове и в 1134 году опять был выбран посадником в Новгороде. Или: в 1176 году новгородские бояре Никита Захарьинич и Станимир Иваниц со многими товарищами участвовали в войне псковичей с Чудью и были убиты в сражении под стенами Пскова. Или: в 1228 году новгородские бояре Борис Негоцевич, Петр Водовикович и другие противники князя Ярослава Всеволодовича удалились во Псков и оттуда начали войну с Ярославом; и когда Ярослав стал звать новгородцев на эту войну, то Новгород на это не согласился, и Ярослав должен был воротить свои войска, приведенные из Переяславля. Таковая близкая связь новгородских и псковских бояр, естественно, должна была сообщить большую силу и значение классу псковских бояр. И действительно, история свидетельствует, что бояре во Пскове первоначально имели большую силу; их связи, влияние и богатство делали их могущественными вождями общества; они нередко скопляли около себя значительные дружины охотников, поступавших на их содержание, а иногда увлекали за собою ту или другую часть общества, или по своей воле поднимали тот или другой пригород. Так, например, псковский боярин Иван Дорогомилович в 1265 году привел свою дружину князю Довмонту в помощь против немцев. Или: в 1331 году псковские бояре Филипп Ледович и Олферий Селкович подняли поречан и условились с островичами идти на летголу; или в том же году боярин Карп Данилович Калека водил охочую дружину псковской молодежи на Нарову против немцев; а другой боярин Володша Строилович поднял за собою псковичей на немцев, воевавших по псковскому рубежу, и потом с другим боярином Ильей Борисовичем защищал Изборск. Или: в 1368 году боярин Селило Скертовский собрал охотников и ходил к немецкому городу Кирьипиге. Мало этого, псковские бояре, действуя заодно со своими сторонниками – новгородскими боярами, преследуя свои фамильные интересы, распоряжались силами псковичей по своему усмотрению, ссорили и мирили Псков с князьями и употребляли псковичей для поддержки своих приятелей, новгородских бояр. Так, в 1137 году псковские бояре, по согласию с одною партией бояр новгородских, подняли весь Псков в пользу князя Всеволода Мстиславича, изгнанного новгородцами, и впустили было псковичей в войну с Новгородцами, вызвали во Псков Всеволода; но Всеволод в том же году скончался и, таким образом, междоусобная война Пскова с Новгородом прекратилась сама собою. Или: в 1228 году псковские бояре, поддерживая партию новгородских бояр, недовольных князем новгородским Ярославом Всеволодовичем, втянули Псков в войну с Ярославом и в противонародный союз с ливонскими немцами, которые при помощи тех же изменников, псковских и новгородских бояр, даже на время успели ввести свой гарнизон в самый Псков и передать власть над городом своему союзнику – новгородскому боярину Твердиславу Иванковичу. Эта последняя проделка псковских бояр-верховодов, действовавших заодно с партией таких же верховодов – новгородских бояр, наконец образумила псковичей, и когда в 1242 году князь Александр Ярославич Невский выгнал немцев и новгородских и псковских бояр изменников, то псковское вече стало иначе смотреть на своих бояр и хотя не лишило их прав службы господину Пскову, но уже более не признавало их своими

безусловными руководителями, а напротив, службу их обществу подвергло строгому своему контролю и во все последующее время уже стало держать их в строгой зависимости.

После 1242 года псковские бояре, как лучшие люди, по-прежнему пользовались большим уважением от народа и были передовыми людьми псковских общин, представителями своих концов, улиц и пригородов и посему избирались во все важные общественные должности: в должности посадников, сотских, судей, губских старост, воевод и посланников от Пскова. Так, под 1426 годом летопись говорит: и псковичи послаша к Витовту своих послов — посадника Федоса Фефиловича и посадника Якима Павловича и иных бояр и взяша мир с Витовтом. Или под 1460 годом: «Послаша псковичи послов своих в Великий Новгород Юрья посадника Тимофеевича, Максима Ларивоновича и бояр из всех концов». Или под 1463 годом: «И даша на вече воеводство Максиму посаднику Ларивоновичу и Алексею Васильевичу и Игнатию Логиновичу, и совокупившиеся псковичи с пригорожаны, и поидоша к Городку». Псковские бояре вместе с посадником и другими выборными властями даже имели право отменять законы; так, под 1472 годом читаем в летописи: «Во Пскове посадник псковский Афанасий Юрьевич и бояре псковские и сотские и судьи, тогды же и льняну грамоту подраша, вынемше из дая; и бысть всем христианом радость велия с восьми бо год она была в ларе, да много христианом истомы и убытков в то время было». Все это, по-видимому, нисколько не изменяло положения бояр против прежнего времени; по-видимому, и после 1242 года вся общественная власть находилась в их руках; но так было только по-видимому, на деле же после 1242 года Псков год от года все более приобретал характер чисто демократической республики, и первоначальные аристократические начала, принесенные из Новгорода, год от года теряли свое значение и вся власть постепенно сосредоточивалась в вече, на котором были равны и бояре, и купцы, и черные люди.

Псковичи, не менее новгородцев предприимчивые в торговле и других промыслах, но гораздо более новгородцев вышколенные непрерывной борьбой то с чудью, то с немцами, то с литвою, выработали себе характер неуступчивый и неподатливый на покорность; а опыт прежнего времени, когда псковские бояре, действуя заодно с одной партией новгородских бояр, чуть не передали Псков немцам, так врезался в памяти псковского веча, что оно в продолжение всего последующего времени строго и постоянно смотрело, чтобы какая-нибудь власть не затеяла подчинить своему влиянию власть веча. А посему как ни велика была, по-видимому, власть псковских бояр и после 1242 года, но вся эта власть состояла почти исключительно в исполнении приговоров веча, и бояре, по-видимому, могущественные и всеильные, в сущности были только покорными слугами веча. И чем более бояре имели видимых средств подавить остальных граждан, и чем долее жил Псков, тем осторожнее вело себя вече и тем более со своей стороны принимало средств, которые развивали его власть и стесняли значение бояр. И одно из действительнейших средств в этом деле состояло в том, что вече по возможности старалось уклоняться от единичных властей, и функции той или другой власти делить между несколькими выборными лицами или окружать ту или другую власть разными помощниками, назначаемыми вечем; и таковой порядок постепенно развивался, по мере того как Псков постепенно отдалялся от тесных связей с Новгородом и заявлял свои права на самостоятельность. Так, единичную власть степенного посадника, сперва присылаемого из Новгорода, а потом обратившегося в выборного сановника, назначаемого самим псковским вечем, псковичи сперва старались ограничить допущением старых посадников участвовать в деятельности степенного посадника, а потом по мере возможности стали выбирать зараз по два степенных посадника; впрочем, эта последняя мера относительно посадничей власти употреблялась непостоянно. Но зато все остальные власти, кроме княжеской, с постепенным развитием самостоятельности Пскова окончательно перестали быть единичными и делились по крайней мере между двумя лицами; например, судьи и старосты постоянно выбирались и отправляли свою должность по двое, а сотских постоянно было по несколько; тысяцкого же,

этой важной единичной власти, вовсе не было в среде сановников, избираемых псковским вечем. Потом, важным средством к ослаблению бояр, избираемых представлять ту или другую власть, служил заведенный во Пскове порядок, до которому важнейшие дела не иначе могли быть решаемы, как при участии нескольких властей, хотя бы и без представления вечу. Так, например, в 1472 году, при отмене льяняной грамоты участвовали посадник, сотские, судьи и бояре; также поступали и при издании того или другого закона, например, в 1485 году грамота о правах смердов была написана и положена в ларь Св. Троицы князем и всеми степенными и старыми посадниками. Наконец, самым грозным средством против своеволия бояр было право народного веча отменять все неугодные ему распоряжения других властей и право веча казнить виновников неугодных распоряжений; так, например, в 1458 году вече не только отменило введенную прежними посадниками хлебную меру, невыгодную в торговле, но и тут же на вече избил тех посадников, которые ее ввели. Или в 1484 году вече не только отменило грамоту о смердах, изданную посадниками Степаном Максимовичем и Леонтием Тимофеевичем со товарищи, но и приказало разорить дома сих посадников, а на самих их, успевших убежать в Москву, положило в ларь Св. Троицы мертвую грамоту, т. е. осудило на смерть и лишило покровительства законов. При помощи таких средств псковское вече, не лишая бояр прав первенствующего сословия и предоставляя им все права выборной власти, в то же время положило этой власти определенные границы, в которых она не только не была опасна вечу, но и не могла быть ни чем иным, как покорным исполнителем велений веча. И посему бояре, при всем их большом значении в обществе, вполне зависели от веча и несли все общественные тяготы наравне с другими классами и в этом отношении не пользовались никакими привилегиями. Так, например, в 1471 году, при постройке новой стены на Полонище в разруб или в раскладку запасов и казны на этот предмет были помещены и посадники, и великие бояре наравне с другими гражданами; летопись прямо говорит: «А всем Псковом начата по всем концам рубиться, изкрепка, а посадников и бояр великих на вече всем Псковом начата обрубати доспехи и коньми». По этому известию в разруб или в раскладку повинностей были помещены или оценены самим вечем не только недвижимые имения посадников и бояр, но их оружие и кони. Ближайшим следствием таковых порядков было то, что с 1242 года летописи уже не упоминают ни о каких боярских партиях во Пскове или о разделении псковского веча происками бояр-верховодов; тогда как летописи Новгорода переполнены известиями о борьбе боярских партий и о разных незаконных вечах, иногда даже одерживавших верх над вечем законным.

Основой значения и могущества бояр во Пскове, так же как и в Новгороде, была частная поземельная собственность; она главным образом сообщала боярам ту силу и могущество, которое ставило их выше других классов общества, не имевших частной поземельной собственности, а владевших общинной землею; но и здесь псковские бояре значительно уступали новгородским. С одной стороны, между псковскими боярами не было таких богатых землевладельцев, каковыми были бояре новгородские, владевшие необозримыми землями в Заволочье. Еще в прежнее время, когда Псков вместе с Новгородом имел значительные колонии в землях чуди и летголы, псковские бояре могли тягаться своими поземельными владениями с новгородскими владельцами в Заволочье; но с постепенным распространением владений немецкого Ливонского ордена в этом краю тамошние владения псковских бояр постепенно стали уменьшаться и в 1284 году дошли до нуля. И таким образом, частная поземельная собственность псковских бояр должна была ограничиться только псковской землей, которая была слишком невелика, и притом далеко не вся принадлежала боярам, а, напротив, в большей своей половине была разделена между общинами и мелкими поземельными собственниками, не принадлежавшими к классу бояр. Между псковичами был даже обычай, утвержденный законом, по которому даже люди небогатые составляли между собой компании и под именем сябров, или пайщиков, покупали на общий сборный капи-

тал землю, а купивши, делили между собою по долям в полную собственность. В повести о псковском Печерском монастыре рассказывается следующий случай: жители окрестных селений близ Печерской горы сговорились между собою купить гору и лес около горы и, купив ее, разделили между собою купленную землю; и на этом дележе местность, где была древняя пещера, по жребии досталась одному из них, по имени Ивану Дементьеву, который и поселился там в подгорье, у речки Пачковки, близ пещеры. Потом, в 1473 году, тот же Иван Дементьев пожертвовал часть своей доли по ручей Какенец на устройство церкви и монастыря. Из этого рассказа видно, что сельчане купили землю в складчину в качестве сябров и поделили ее на доли в полную собственность; так, один из сябров, Иван Дементьев, часть своей доли пожертвовал на устройство церкви и монастыря, как полную собственность, не спрашивая на то согласия у других своих сябров, что, конечно, он не мог бы сделать, если бы земля эта составляла общинное владение. Таковая мелкая поземельная собственность, легко приобретаемая в складчину, естественно, должна была сильно конкурировать с крупной боярской поземельной собственностью, а с тем вместе невыгодно влиять на значение бояр, как в местном обществе, так и во всей Псковской земле; ибо мелкие поземельные собственники из черных людей, естественно, были более свободны и самостоятельны, нежели безземельные крестьяне, живущие по взаимным условиям на землях крупных землевладельцев-бояр и, следовательно, более или менее зависевшие от них, как полных хозяев земли; к тому же псковские законы явно склонялись в пользу мелкой поземельной собственности против крупной, и особенно в пользу обработки земли, против владения землею без обработки. По псковским законам, кто владел землей четыре или пять лет спокойно и выстроил на ней двор и распахал пашню, на того прежний владелец той же земли уже не может предъявлять своего земельного иска, ежели четверо или пять человек соседей подтвердят, что тот владеет землей четыре или пять лет спокойно. В судной псковской грамоте сказано: «А коли будет с кем суд о земли о польной или о воде; а будет на той земли двор или нивы розстрадни, а стражет и владеет тою землею лет 4 или 5; а потому исцю слатися на Сосед, человек на 4 или на 5. А суседи став, на конх шлются, да скажут как прав пред Богом, что чисть; и то, человек который послался, стражет и владеет тою землею лет 4 или 5; а супротивник в те лета ни его судил, ни на землю насту палея, или на воду; ино земля его чиста или вода, и целования ему нет. А тако не доискался, кто не судил ни насту палея в да лета, а о лешей земли будет суд», т. е. пятилетняя или четырехлетняя давность не уничтожала права на землю необработанную. При таком законе предприимчивые мелкие поземельные собственники легко могли захватывать участки у крупных поземельных владельцев, ежели они заняты другими делами четыре или пять лет, и не обращали надлежащего внимания на завладение, не начинали исков.

С другой стороны, самая форма владения землей и отношения крестьян к владельцам земли и к обществу во Пскове не давали псковским боярам того высокого значения, каким пользовались новгородские бояре, по тамошним формам владения землей и по отношениям крестьян к владельцу земли и обществу. По псковским порядкам боярин или сам обрабатывал свою землю наемными работниками, наймитами, или самую землю отдавал в наймы охочим людям, на взаимных условиях, по частному договору, с записью или без записи. Нанимателей земли или жильцов псковский закон постоянно старался ставить сколько можно в более независимое положение от владельцев земли или давать им права равных друг другу договаривающихся сторон и не допускал права вотчинного суда землевладельца над жильцами, живущими на его земле. Но, конечно, при всем старании закона не могло быть равенства между бедным жильцом и богатым землевладельцем, и первый почти находился под большим или меньшим влиянием второго; и посему демократически Псков, чтобы не дать перевеса на вече боярам при подаче голосов смердами или жильцами, живущими на их земле и, следовательно, находящимися под их влиянием, постоянно держался того правила, чтобы

не допускать смердов к общественным делам и к подаче голосов на вече, и за это правило особенно крепко держались черные люди, постоянно бывшие настороже и опасавшиеся, чтобы бояре каким-нибудь образом не получили большинства на вече. При таковых порядках, естественно, псковский боярин не мог вести на вече толпу своих полузависимых клиентов, как это делал нередко боярин новгородский; и посему на псковском вече бояре всегда оставались в меньшинстве или, по крайней мере, не могли проводить законов в ущерб демократическим началам псковского общества.

Купцы

Купцы во Пскове, так же как и в Новгороде, составляли отдельный класс общества, занимавшей второе место после бояр и имевший свой суд и управу и свое отдельное самостоятельное устройство. Этот класс принимал деятельное участие в общественных делах и пользовался большим значением в обществе, ибо Псков подобно Новгороду был по преимуществу торговым городом. Общественное устройство купечества во Пскове, происшедшее от купечества новгородского, было одинаково с новгородским; т. е. купцы составляли общины, и только тот считался настоящим пошлым купцом, кто был членом какой-либо купеческой общины, кто вложил в нее известный капитал, хотя торговать мог всякий и не вложившийся в купеческую общину. Сколько было купеческих общин во Пскове — мы не знаем; по памятникам встречаются только некоторые общины, например, суконников, кожевников, мясников. Каждая купеческая община имела своих выборных, по общему псковскому порядку, не менее двух, которые судили и рядили членов своей общины и заведовали общинными капиталами, впрочем, не иначе как с согласия всех членов своей общины, имевших для того свои собрания или сходки. Кроме старост по отдельным общинам еще выбирались по два старосты от всего купечества. Так, в летописи под 1415 годом читаем: купцы псковские разбили старую церковь Св. Софии и начали делать новую, и в том же году мастер Еремей совершил новую церковь каменную с благословения священника Ивана Халиловича и повелением купецких старост Андрея Тимофеевича, Осея и всех купцов. А ежели были выборные старосты от всего купечества, следовательно, были общие купеческие собрания, или веча, независимые от веча целого города всех классов, и на этих купеческих вечах разбирались и решались дела, относящиеся до всего псковского купечества. Таковое учреждение общего купеческого собрания, или веча, со своими старостами резко отличало псковское купечество от купечества новгородского, не имевшего подобного учреждения и в целом своем составе поставленного в зависимость от тысяцкого.

Имея общее купеческое собрание, или вече, псковское купечество тем самым пользовалось не только большей самостоятельностью против новгородского купечества, но и в самом Пскове имело сильный перевес над боярами и над черными людьми; ибо оно являлось на общенародное вече, всегда наперед уговорившись и уладившись на своем общем купеческом вече; тогда как ни бояре ни черные люди не имели таких законом определенных предварительных собраний и, следовательно, являлись на общенародное вече не столько готовыми, как купцы. К тому же во Пскове, как преимущественно торговом в городе, купцы должны были иметь и действительно имели гораздо больше влияния на черных людей, чем бояре, которых влиянию сильно вредили мелкие самостоятельные землевладельцы и показанные выше законные ограничения крупных землевладельцев. Все это ставило псковских купцов в такое положение, что они по официальным бумагам хотя считались вторым классом общества, как, например, митрополит Иона в своей грамоте в Псков писал: «Всему священству, боярам и купцам и житейным людям»; но, в сущности, на деле по своему влиянию на псковское общество купцы были сильнейшим и первенствующим классом: они, собственно, руководили вечем, бояре же хотя и пользовались большим уважением и имели большой вес в обществе, но были поставлены обстоятельствами в такое положение, что, в сущности, были не руководителями веча, а только беспрекословными исполнителями его определений. Лучшим доказательством такового положения купцов в Пскове служат все псковские порядки, направленные исключительно к тому, чтобы ограничить влияние и значение бояр и утвердить значение и силу общенародного веча, на котором передовым и лучше организованным классом являлись купцы. О том же положении псковских купцов свидетельствуют все дошедшие до нас договорный грамоты Пскова с соседними государями, в кото-

рых постоянно встречаем заботу Псковичей о торговых выгодах. Так, в договорной грамоте между Псковом и Казимиром Литовским, писанной в 1440 году, первым и главным условием было то, чтобы «как литовским послам и гостям, так и псковским послам и гостям был чист путь чрез всю литовскую и псковскую землю, и свободно торговать без пакости по старой пошлине, как в литовской, так и в псковской земле; и чтобы как в Литве блюсти и охранять псковитина наравне с литвином, так и во Пскове блюсти и охранять литвина наравне с псковитином. А вчинится пеня гостю в Литве псковскому, кончать по великого князя правде и по целованию; а вчинится пеня литвину во Пскове, кончати по псковской правде и по целованию». То же почти повторяется, с некоторыми прибавлениями, в перемирной грамоте Новгорода и Пскова с Дерптом, писанной в 1474 году: «А псковскому послу и гостю по Юрьевской (Дерптской) земле путь чист, горою и водою, на Юрьев и на Ригу, и к Колывани и на Руго диво, и на матерую реку, и на в си Юрьевские гор оды, и во всю Юрьевскую землю добровольно ездити со всяким товаром, по старине, и всякий товар псковичом на розницу продавати добровольно, или вместе (оптом); на Юрьеве псковичом добровольно всяким товаром торговати с Рижаны, с Колыванцы и с Ругодивцы, со всяким гостем, по старине, по крестному целованью; и колоду (заставу таможенную) на обе стороны отложихом, и гостинца (пошлин на заставе) от того не имати. И во Пскове юрьевскому гостю всяким товаром торговати добровольно по старине, а корчу мою пивом немецкому гостю во Пскове не торговати; а опрочь карзмы и пива всякий товар ко Пскову добровольно возити, по старине, на обе стороны». Жалобы или неудовольствия Пскова к соседним государям посылались также преимущественно по торговым делам; так, например, в речах псковского посольства к королю Казимиру (1480 года) сказано: «Первое о обидах, што наши купцы Микифорко... заехал у Луцкой торгом, и воевода луцкий того Микифорка орабил, товару много; и ты бы, господине, честный король, тому делу управу дал по крестному целованию; а отчина великих князей тебе, своему господину, посадники псковские, и степенные и старые посадники, и сынове посадничьи и бояре, и соцкие, и купцы, и житьи люди, и весь Псков челом бьет. А иное жалуемся тебе, своему господину, што по твоей державе, по городом воеводы и мещане нашим псковичам купцом с немцы торговати не дадут: инобы, господине честный и великий король твои воеводы и наместники нашим купцам по твоим городом не боронили торговать с немцы и со всяким гостем по мирному dokonчанью и по крестному целованью». Даже большая часть войн Пскова с соседями начиналась из-за обиды псковских купцов. Например, в 1323 году, когда немцы избили псковских гостей на Чудском озере и ловцов на Нарове, то за это псковичи ворвались в Ливонию и опустошили ее до Колывани. Или когда в 1403 году великий князь смоленский Юрий, при изгнании из Смоленска Витовтовых наместников, захватил псковских гостей, торговавших в Смоленске, то по этому случаю Псков и Новгород отправили к нему своих послов, которые принудили Юрия отпустить захваченных псковских гостей. Или: в 1501 году, когда немцы задержали в Дерпте 25 учанов с товаром и полтораста человек псковских купцов, то псковичи, не получив надлежащего от немцев удовлетворения чрез посольства, начали с немцами войну, которая продолжалась несколько лет.

Черные люди

Черные люди во Пскове были в ином положении, нежели в Новгороде; они находились в меньшей зависимости от больших людей, или от бояр, как потому, что бояре в Пскове не имели таких огромных поземельных владений, как бояре новгородские, так и потому, что Псков по самому устройству своему был не на стороне бояр – крупных землевладельцев, а напротив, более покровительствовал мелкой поземельной собственности, вследствие чего черные, или меньшие, люди в Пскове пользовались большей независимостью и самостоятельностью, нежели какую самостоятельность имели меньшие люди в Новгороде. К тому же постоянная и упорная борьба с чудью, летголою и литвою и потом с немцами, лежавшая одинаково и на больших, и на меньших людях во Пскове, естественно, равняла их между собою и делала меньших людей более твердыми и самостоятельными. Конечно, и во Пскове какой-либо предприимчивый и храбрый боярин мог скопить около себя охочих людей и повести на какое-либо военное предприятие; но охочие люди во Пскове были далеко не то, что повольники в Новгороде: они не были ратниками своего предводителя, и по самому ходу дел в псковской истории скоплялись около большого человека только для воинских набегов на немирных соседей или для отражения соседских нападений, а не для колонизации, как это было в Новгороде, с конца XIII столетия псковичам нечего было и думать о колонизации. Следовательно, предводитель охочих людей во Пскове не мог им дать захваченной земли под поселение и привлечь их к себе разными ссудами на обзаведение хозяйством; они шли за ним только для того, чтобы понажиться тем, что успеют наgrabить в неприятельской земле. Между тем купцы, старавшиеся удержать первенство и силу за своим классом против бояр, первоначально, как мы уже видели, действовавших заодно с боярами новгородскими, естественно, должны были ближе соединиться с черными, или меньшими, людьми и заодно действовать на общем вече. Первоначальная тесная связь псковских бояр с новгородскими боярами, передавшая было Псков немцам, породила теснейшую связь купцов с черными людьми и, кажется, более всего способствовала той независимости и самостоятельности, которою пользовались во Пскове черные люди; по всему вероятно, ей обязан был своим существованием и закон, покровительствующий мелкому землевладению и порядку сябренного приобретения земель в полную отдельную собственность сябров.

Все это поставило черных, или меньших, людей во Пскове в такое положение, что они на вече были большими людьми, т. е. всегда оказывались в большинстве перед большими людьми и не пропускали ни одного закона, который вредил бы их значению или давал перевес большим людям. Имея главную опору в общенародном вече и чувствуя себя сильными, особенно на вече, черные люди, естественно, интерес веча считали своим собственным интересом и поэтому заботились, чтобы права веча были неприкосновенными и чтобы вече было действительной силой в управлении Псковом, чтобы партии верховодов-затейщиков не нарушали его спокойной и правильной длительности. Дорожа неприкосновенностью прав веча, черные люди заодно с купцами крепко держались раз принятых порядков и не дробились на партии, зная из опыта в Новгороде, что при разделении на партии меньшие люди более всего терпят от больших людей, делаясь их орудием. От этого история Пскова за все время его самостоятельности не представляет борьбы партий, там вече никогда не делилось и не было незаконных веч. Меньшие люди, сильные на вече, на вече же и управлялись с большими людьми, когда это находили нужным. Так, под 1458 годом читаем в летописи: «Псковичи недовольные распоряжением прежних посадников, убавивших торговую меру, по определению веча прибавили забницы (т. е. увеличили меру) и палицу привесили к позобенью, а старых посадников избили на вече». Конечно, здесь под именем псковичей главным образом должно разуметь купцов и черных людей, до которых преимущественно касалось

дело о торговой мере. Или: в 1483 году также вечем посекали дворы у старых посадников и у некоторых бояр. Но всего яснее высказалась неуступчивость и настойчивость меньших, или черных, людей на вече перед большими в деле о смердах, бывшем в 1485 году. Посадники вместе с большими людьми и князем наместником, по всему вероятно, желая усилить себя на вече против меньших людей, придумали дать политические права смердам и таким образом провести их в члены веча; с этой целью они составили новую уставную грамоту о правах смердов и для сообщения ей законодательной силы внесли ее в ларь Св. Троицы и записали в тамошние книги, или реестры законов; и все это сделали, не доложив «господину Пскову». Черные, или меньшие, люди, как скоро узнали об этой новости, затеянной большими людьми, то на первом же вече решили: явившихся в Псков смердов засадить в погреб за сторожи, посадника Гаврилу убили всем Псковом на вече, а на трех посадников, бежавших в Москву, написали мертвую грамоту (смертный приговор) и положили ее в ларь Св. Троицы, имение же их опечатали. А так как в это дело был замешан псковский князь Ярослав, наместник великого князя Московского Ивана Васильевича, может быть, действовавший по приказу сего последнего, то псковское вече силой заставило четырех посадников и по боярину от концов отправиться посольством в Москву и просить великого князя, чтобы держал Псков по старине и не признавал вновь составленной уставной грамоты о смердах. И когда великий князь, желая поддержать своего наместника и больших людей, отвечал, что «посольство пришло бездельно, и что он тогда только будет жаловать Псков попригожу, когда вече выймет из ларя Св. Троицы мертвую грамоту на посадников и пришлет ее в Москву, а смердов отпустит и животы их отпечатает», то черные люди, получив на вече таковой ответ великого князя, не поверили своему посольству и снарядили новое посольство из больших людей. А когда и новое посольство принесло такой же ответ великого князя вечу, тогда между большими и меньшими людьми началась брань и мятеж на вече, и меньшие люди, обвинив приехавших послов в заговоре и понарошке бежавшим в Москву посадникам, снарядили двух послов из своей братьи из молодых людей бить челом, чтобы великий князь сказал свою волю о смердах и бежавших в Москву посадниках. Дело о смердах тянулось целых два года по настоянию черных, или меньших, людей; по этому делу было отправлено в Москву пять посольств и потрачено до тысячи рублей сборных общественных денег. И конечно, черные люди одержали бы в этом важном для них деле окончательный верх над боярами, если бы великий князь Московский не принял под свою защиту бояр. Спор о смердах, по всему вероятно, и был возбужден самим великим князем, который думал покончить с Псковом, поддерживая бояр, как он покончил с Новгородом, поддерживая меньших людей против бояр. И черные люди, очевидно, хорошо понимали значение этого важного для них спора и хотя должны были уступить непреклонной воле такого государя, как великий князь Иван Васильевич III, но тем не менее своей настойчивостью и продолжительностью спора ясно доказали большим людям, что они могут действовать против них только посторонней помощью и постыдной изменой отечеству.

Самостоятельность и до некоторой степени равенство между большими и меньшими людьми во Пскове так были велики и очевидны, что у псковичей даже выработался особый термин в языке при сношениях больших людей с меньшими – термин, прямо указывающий на равенство тех и других в известных отношениях. Псковичи, большие и меньшие люди, относясь друг к другу, называли друг друга господами; так что даже предводители войск или воеводы не иначе обращались к воинам, как техническим выражением, – «господа такие-то». Например, в 1408 вельянский воевода боярин Ёсиф Китович, обращаясь к ворончанам, говорит: «Господа ворончане! Мстите кровь христианскую». Или: в 1426 году ворончане и их посадники Тимофей и Ермола писали к псковичам: «Господа псковичи! помогите нам, и гадайте о нас». Правда, подобный термин господа или господо, встречается и в Новгороде; но там с подобным термином обращаются только равные к равным, например,

меньшие люди к меньшему. Большее или меньшее равенство классов во Пскове, кажется, выработалось довольно рано; еще в 1265 году князь Довмонт, обращаясь к псковским воинам, говорил: «Братья мужи псковичи, кто стар той отец, а кто млад той брат! Слышал есмь мужество ваше во всех странах; се же братья нам предлежит живот чи смерть; братья мужи Псковичи, потянете за святую Троицу, и за святые церкви, и за свое отечество».

Черные, или меньшие, люди во Пскове, так же как и в Новгороде, несли все государственные повинности вместе с большими людьми, по раскладке или разруб, сделанному вечем; они платили с капиталов (кто каким владел) подати, строили укрепления и несли разные службы. В военное время они также с большими людьми раскладывались по сохам и деньгам в ратную службу; так, в 1500 году, во время войны великого князя Московского с литовским князем Александром псковские посадники и бояре и весь Псков на вече приговорили снарядить в поход по разруб с десяти сох конь, а с сорока рублей конь и человек в доспехе. Или: в 1501 году, при нападении немцев, меньшие люди пешие по разруб снаряжали двое третьего щитом и сулицей. Также в 1495 году на войну с немцами по разруб со всех людей снаряжали с десяти сох конного ратника. При построении городских стен также наблюдалась раскладка по капиталам и с меньших, и с больших людей, и даже с посадников равно. Так, мы уже видели, что в 1471 году, при постройке новой стены на Полонище, в разруб для сбора запасов на этот предмет были помещены и посадники, и бояре; причем оценены самим вечем не только недвижимые имения и другие капиталы, но даже оружие и кони посадников и бояр. Впрочем, иногда какие-нибудь общественные постройки производились одной какой-либо общиной с зачетом этой траты при будущих разрубках; так, например, в 1485 году на постройку нового моста через Пскову платили серебро мясники. Вообще меньшие, или черные, люди во Пскове в общественных правах и обязанностях более или менее были сравнены с большими людьми, и вся существенная разница состояла в том, что большие люди, бояре, состояли в постоянной службе у Пскова, а черные люди вместе с купцами не состояли в постоянной службе и назывались житейскими людьми, а не служилыми.

Черные люди во Пскове, подобно как в Новгороде, составляли городские и сельские общины черных людей со своими старостами; общинное устройство было одним из главных оснований силы черных людей: в общинах беззащитная единичная личность бедняка находила свое убежище и защиту от притеснения сильных людей. Общинное устройство так сильно было развито между черными людьми во Пскове, что общинами жили не только люди, владеющие общинной землей, но даже мелкие поземельные собственники составляли общины под именем сябров, или шабров, и псковским законом был признан особый вид мелкой поземельной собственности под именем сябренного владения, который, как мы уже видели, состоял в том, что мелкие капиталисты, сельские или городские жители, составляли капитал в складчину, и на этот складочный капитал покупали землю, и потом каждый сябр, или пайщик, по количеству сложенного капитала, получал соответствующую по цене долю из купленной земли в полную собственность с правом отчуждения. По псковской судной грамоте сябренное владение, не нарушая прав частной собственности, ставило сябров до некоторой степени в такое положение, что они, как члены одной общины, обязаны были защищать друг друга и представлять собою нечто целое, как бы юридическое лицо, даже на суде. В судной грамоте сказано: «А кто с ким ростяжутся о земли или о борти, да положить грамоты старые, и купленную (купчую) свою грамоту; и его грамоты зайдут многих бо сябров земли и борти. И сябры все станут (должны стать) на суду в одном месте отвечаючи, ктож за свою землю или за бортъ, да и грамоты пред госнодою (судьями) докладут, да и межников возмут. И той (у кого вышел первоначально споръ) ответит у стари ко в I (старожальцев знающих межи) по своей купной (купчей) грамоте свою часть; ино ему правда дати (присягнуть) на своей части, а целованью быть одному (т. е. прочие сябры не обязаны присягать). А поцелует во всех сябров; ино ему и суднида (правую грамоту) дать на часть, на которой целует».

Мелкие поземельные собственники в себryanном ли владении, или в отдельной единичной поземельной собственности, во Пскове, кажется, составляли между черными людьми особый класс, средний между купцами и черными людьми, живущими на общинных землях, известный по псковским памятникам под именем житых людей. По крайней мере, упоминаемые в псковских памятниках житые люди не могут быть причислены к новгородским житым людям. В Новгороде житыми людьми, как мы уже видели прежде, были собственно зажиточнейшие, богатейшие, вящшие купцы, как писалось по-новгородски; и во всех новгородских памятниках они писались впереди простых купцов, вслед за боярами, например, в известии под 1398 годом сказано: «А били челом бояре и дети боярские, и житые люди и купеческие дети». По псковским же памятникам житые люди везде помещаются после купцов, следовательно, их нельзя причислить к вящим богатейшим купцам. Например, в наказе псковским купцам к королю Казимиру в 1480 году сказано: «отчина великих князей тебе, своему господину, честному великому королю, посадники псковские, и степенные и старые посадники, и сынове посадничьи, и бояре, и купцы и житии люди, и весь Псков челом бьет». Или в Псковской летописи под 1510 годом сказано: «И князь великий в недолго велел быти у себя посадникам псковским, и детям посадничьим и бояром, и купцам. и житым людям». Потом посадники, бояре и купцы были позваны в гридницу государеву и там арестованы, а житым людям, как молодым, остававшимся на крыльце, сказано: «до вас государю дела нет».

Земцы и смерды

Кроме полноправных людей, членов общин, имевших право участвовать на вече, во Пскове были еще два класса служилых людей, не имевших права участвовать на вече, хотя пользовавшихся всеми другими правами, предоставленными свободным людям в Псковской земле; сии два класса имели общее между собою то, что жили на чужих землях с обязанностью службы. Один из сих классов, известный под именем земцев, служил самому Пскову и жил на землях, данных Псковом; а другой, под общим именем смердов, жил на землях частных землевладельцев и состоял в службе у хозяев занятой земли.

Земцы составляли постоянное войско Пскова, расселенное по границам и обязанное защищать границы от нападения неприятелей. Когда было учреждено это пограничное войско, памятники не дают об этом известий: но, по всему вероятно, учреждение класса земцев должно отнести к концу XIV или началу XV столетия; по крайней мере, известия об них относятся к этому времени. Земцы получали от Пскова на свое содержание земли преимущественно на западном и особенно северо-западном рубеже псковском: земли сии давались не в полную собственность, подобно поместьям в Москве, хотя в Пскове они назывались вотчинами; сих земель земцы не могли ни передавать, ни дарить, ни другим каким образом отчуждать; в противном случае обязаны были выкупать их назад и затем уже лишались на них права. В судной псковской грамоте прямо сказано об этих землях, названных там кормлею: «А которому человеку будет кормля написана в рукописаньи, и да грамотами владеть землеными начнет, или исадским, и продаст тую землю, или иное что; а доличат того человека; ино евиу земля та, или исад, или иное выкупити, а свою кормлю покрал». Равным образом земцы лишались права на сии земли и тогда, когда не исполняли лежащей на земле службы или когда сам Псков, по своему усмотрению, находил в данной местности службу земцев ненужною и сводил их с данных вотчин. Так, под 1511 годом читаем в летописи: «Князь великий ходил с силою и с нарядом под Смоленск, а со Пскова взял 1000 пищальников и псковских земцев; тогда еще не сведены были с своих вотчин». Кроме военной пограничной службы земцы иногда еще платили деньгами на укрепление границ; так, под 1431 годом летопись говорит: «Князь псковский и посадники идяша 300 человек и заложиха город на берегу, на реке Гдове, а на Гдовских земцах, в кого тамо отчина, взяша триста рублей в камену стену». К этому же разряду служилых людей во Пскове принадлежали жолнеры и пищальники, что-то вроде московских стрельцов, явившихся в последствии; этот класс служилых людей явился уже в последнее время самостоятельного существования Пскова. Смерды, как уже сказано выше, жили на землях частных владельцев по взаимным условиям с хозяевами земли: Они разделялись на городских и сельских смердов. Городские смерды иначе назывались дворными наймитами и обыкновенно состояли у своих хозяев на службе по взаимным условиям, на определенные годы, они еще назывались подсосудниками. Сельские смерды носили названия изорников, когда занимали землю под пашню, огородников, когда занимали огородную землю, кочетников или рыболовов, когда брали у владельцев рыбную ловлю или сады. Сельские смерды жили на землях частотных владельцев бессрочно, сколько проживется или пока будет держать хозяин земли. По псковскому закону относительно свободного перехода смердов поставлено было только одно ограничение, состоящее в том, что переход допускался только в один срок в году, именно в Филиппово заговенье, т. е. в шесть недель рождественского поста. Мимо этого срока ни смерд не мог оставить землю хозяина, ни хозяин – сослать смерда со своей земли. А ежели смерд проживет на хозяйской земле до весны и даже весну, то, в случае перехода на другую землю, обязан был заплатить хозяину столько, сколько хозяин получит дохода с другой такой же доли земли, не оставленной смердом.

Отношения смерда к землевладельцу определялись законом следующим образом: 1. Смерд за пользование хозяйской землей платит хозяину доход по взаимному между ними условию в случае же перехода с земли, по воле ли хозяина или по воле смерда, весь доход, полученный с земли, делится пополам – половину хозяину и половину смерду. «А который изорник, сказано в псковской судной грамоте, отречется у государя села, или государь его отречет; и государю велять у него всею половиною своего изорника, а изорник половину». 2. Старый изорник, т. е. не вновь поступивший, обязан давать землевладельцу подводы: «а старому изорнику, сказано в законцъ возы вести на государя». 3. При переходе смерда с одной земли на другую, по своей ли воле или по воле хозяина земли, хозяин имеет право требовать со смерда поименно всего того, что он ему дал на обзаведение; в законе сказано: «А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волею и в закличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшеницы ярой, или озимой, и по отроку государеву или сам отречется». А ежели смерд начнет запираяться от хозяйской покруты, а скажет, я у тебя на селе живал, но тебе ни чем не должен; то хозяин должен представить к судье пять или четыре человека сторонних людей, которые должны сказать по чистой совести, на каких условиях сидел на селе смерд, и потом должен или сам поклясться, или представить это смерду. Ежели же хозяин не поставит на суд узаконенных сторонних людей или они не подтвердят его показания, то тем самым теряет всякое право на иск своей покруты. 4. Хозяин земли ни в каком случае не имеет права искать на своем смерде ни торговых денег, ни поруки, ни отданного смерду под сохранение, ни отданного в долг, ни наследства безымянно; напротив того, смерд имел право представить на хозяина счетную книгу или доску, и по этой доске давался ему суд с хозяином в деньгах, или работах, или в чем другом, значащемся по доске на хозяине. А ежели смерд что из хозяйского имущества будет называть своим и требовать возвращения; то хозяин обязывался представить на суд сторонних людей, окольных соседей, которые показали бы что-то хозяйское, чего ищет смерд; и тогда смерд терял свой иск, а в противном случае хозяин отдавал смерду требуемую вещь. 5. Ежели бы смерд сбежал от хозяина земли, то хозяин не иначе может взять оставленное смердом имущество за свою покруту, как взявши у князя и посадника приставов, и пригласивши губских старост и сторонних людей, и пред ними продать имущество бежавшего смерда, и взять то, что следует за покруту. Равным образом когда смерд умрет у хозяина в селе и не оставит при себе родственников, то хозяин также должен продать имущество умершего пред приставами и сторонними людьми и взять себе что следует за покруту. А ежели бы явились после умершего смерда братья или другие родственники и потребовали бы себе оставшееся имущество или даже взяли бы его, то они же обязывались платить хозяину земли покруту; но родственники обязывались к этому только тогда, когда у хозяина земли имелась запись на умершем; в противном же случае дело решалось судом по псковской пошлине. Сии определения псковского закона прямо и ясно свидетельствуют, что смерды, как люди свободные, пользовались всеми правами, как личными, так и имущественными, что зависимость смерда от хозяина земли была добровольная и временная и ограничивалась только отношениями смерда к хозяину по земле и покруте или ссуде на хозяйственное обзаведение; но тем не менее эта временная и добровольная зависимость лишала смерда прав политических: смерд, пока он был смердом, не мог быть членом псковского общества и не имел права участвовать своим голосом на вече. Демократическое устройство Пскова допускало на вече только людей вполне свободных и не иначе как членов общин; а посему псковский закон признавал за смердом гражданскую личность и даже обязывал смердов наравне с черными людьми платить подати и отправлять общественные повинности, но политических прав им не давал, и именно за таковой порядок всегда стояли черные люди, т. е. главная масса демократов.

Вольные люди

Подобно как в Новгороде, и в Пскове были вольные люди: к этому классу принадлежали как младшие члены полноправных семейств псковских, так и пришельцы из других краев Русской земли, и все люди, не имеющие ни частной поземельной собственности, ни доли в общинных землях и не живущие на землях частных владельцев; а состояние или на содержании своих семейств, или прокармливающиеся своим личным трудом по найму. Эта огромная масса людей была на таком же положении во Пскове, как и в Новгороде, т. е. имела за собой право личной свободы и труда, но не причислялась ни к какой общине и не владела ни на каких правах землей; а посему не имела никаких общественных или политических прав и не подлежала никаким общественным обязанностям. Но добровольно вольные люди могли принимать на себя и общественные обязанности; и действительно, под названием охочих людей часто участвовали в военных походах на защиту Псковской земли. Впрочем, по единогласному свидетельству памятников, охочие люди никогда не смешивались с рубленой ратью, т. е. собранною по раскладке, по разрубу общин, а составляли особые полки и имели своих отдельных воевод, или выбранных самими охочими людьми, или назначенных вечем; даже походы охочих людей всегда производились отдельно от походов псковской, или рубленой, рати, хотя бы они назначались самим псковским правительством. Например, когда псковская рубленая рать, в 1463 году, под начальством посадника Максима Ларионовича и двух бояр была отправлена вечем против немцев к Городку, то в то же самое время иная псковская сила, нерублени люди, охочий человек, ходили за Изборск, под начальством выборного воеводы дьяка Ивашки, и воевали Немецкую землю.

Вольные люди во Пскове, как свои, так и пришельцы, подобно как и в Новгороде, оставались в своем неопределенном положении, не подлежащем никаким общественным обязанностям, только до тех пор, пока не поступали в члены какой-либо общины или не зачислялись в смерды за каким-либо землевладельцем, чем почти всегда оканчивалось чисто переходное положение вольного человека. Бродячее и малоправное положение вольного человека во Пскове среди общества людей домовитых, пользующихся обширным правом участия в делах общественных, естественно, никогда не могло быть постоянным и даже продолжительными. Каждый вольный человек, чтобы не оставаться безгласным и вовсе безучастным в общественных делах, спешил освободиться от своего чересчур свободного положения и, по мере своих сил и средств, или прямо поступал в члены какой-либо общины и делался полноправным гражданином Псковской земли, или по крайней мере зачислялся смердом за каким-нибудь землевладельцем, чтобы получить оседлость и обзавестись хозяйством и потом, при благоприятных обстоятельствах, перейти в общину и с тем вместе сделаться полноправным гражданином. Быть полноправным членом общины, участвовать на вече и подавать свой голос при решении общественных дел было постоянным и любимым желанием каждого вольного человека во Пскове; оставаться же навсегда вольным человеком считалось постыдным. А посему хотя вольных людей во Пскове всегда было довольно, но они не были пролетариями, тягостными для общества, а представляли собою рассадник или питомник будущих полноправных граждан и ревностных общественных деятелей. На пролетариат в Пскове никогда не было жалоб. Были ли во Пскове повольники, на это в памятниках нет прямых указаний; но, судя по положению Пскова и по отношению его к своим соседям, для повольников, кажется, не было места в псковском обществе, по крайней мере для повольников с чисто новгородским характером.

Рассказ третий. Церковь во Пскове

Первоначальное положение псковской церкви

Псков как пригород Новгорода, естественно, должен был иметь и одну церковь с Новгородской церковью; и действительно, у Пскова и у Новгорода была одна церковь; епископ новгородский был и епископом псковским, и посылал в Псков своих священников или рукополагал во священники людей, присланных из Пскова. Даже отношения церкви к мирскому обществу были, по-видимому, такие же во Пскове, какие и в Новгороде. Так что как в Новгороде христианская церковь слилась со строем новгородской жизни и Святая София обратилась в символ Новгорода и его свободы и самостоятельности, и земля Новгородская называлась землей Святой Софии; точно так же и во Пскове христианская церковь слилась со всем строем псковской жизни, и Святая Троица обратилась в символ Пскова и его самостоятельности, и Псковская земля получила название земли Святой Троицы. Но как христианская церковь была насаждена во Пскове в то время, когда Псков был только новгородским пригородом и находился почти в полной зависимости от Новгорода; а следовательно, и церковь Псковская, как пригородская церковь, была в полной зависимости от новгородской церкви, то отсюда вытекало необходимое последствие, что, по мере усиления Пскова и приобретения им самостоятельности и полной независимости, псковская церковь должна была получить иной характер, чем новгородская церковь, и даже чем другая какая русская церковь, именно: явиться в исключительному, ей только принадлежавшему положению. Псковская церковь, сохраняя все догматы православия наравне с другими русскими церквами, в то же время незаметно приняла характер пресвитерианской церкви; и приобрела это не по желанию общества, а именно потому, что Новгород и его архиепископ постоянно старались держать псковскую церковь на правах церкви пригородской, под управлением владычня наместника, назначаемого новгородским архиепископом; тогда как Псков в политическом отношении давно уже сделался самостоятельным и с половины XIV столетия даже был признан таковым от самого Новгорода по договору. Новгородцы, потерявши политическую власть над Псковом, во чтобы то ни стало хотели удержать за собой хотя церковное главенство; а псковичи, наоборот, получивши политическую самостоятельность, не хотели терпеть зависимости церковной и, при упорстве новгородцев, считали даже законным псковскую церковь, не имевшую своего самостоятельного представителя во Пскове, подчинить совершенно своему мирскому обществу, дать местному духовенству все права мирских людей, в самом обширном смысле, и с тем вместе подчинить его мирному суду и власти. А посему псковская церковь, не отступая от православия, общего всем Русским церквам, невольно мало-помалу приобретала свой своеобразный склад и строй, и свойственный ей только одной, и притом вполне согласный с демократическим настроением целого псковского общества. Хотя, по ясному свидетельству памятников, то несомненно, что псковичи, при всяком удобном случае, старались получить себе самостоятельного епископа, и никогда не желали, чтобы их церковь в чем-нибудь разнилась от других самостоятельных русских церквей; тем не менее псковская церковь складывалась своеобразно и мимо их воли.

Положение церкви в первые 318 лет от принятия христианства

Первоначально, в продолжение 318 лет от принятия христианства, пока были в мире и в полном согласии псковичи с новгородцами, и псковская церковь была в мире и согласии с епископом и потом архиепископом новгородским, новгородские владыки управляли ею чрез своих наместников, присылаемых из Новгорода или назначаемых из псковичей, и сами епископы и потом архиепископы чрез каждые три года приезжали во Псков, судили и рядили дела, по номоканону и уставам русских князей подведомые суду святительскому, и получали с псковского духовенства определенные доходы, известные под именем подъезда; посвящали во Псков священнослужителей и пользовались значительными угодьями и вотчинами, уступленными псковским вечем в пользу епископской кафедры. Псковичи во все это время, в глазах новгородских владык, даже считались усерднейшими и послушнейшими сынами православной церкви, строили монастыри и церкви, снабжали их обильными вкладами и считали для себя большим праздником, когда владыка новгородский посещал их город; подносили ему богатые дары и беспрекословно исполняли все его приказания. В это время были построены знаменитейшие псковские монастыри: Светогорский – Рождество-Богородицкий, Спасо-Мирожский, Иоанно-Предтеченский, Старо-Вознесенский, Городищенский-Николаевский близ Изборска, Пантелеймонов, Домантов и другие. Сами владыки новгородские не оставляли Псков своим вниманием, и на свое иждивение строили и украшали псковские церкви; так, например, епископ новгородский Нифонт построил каменную церковь Преображения в Спасо-Мирожском монастыре. Между тем в то же время устроился и знаменитый псковский собор Св. Троицы, эта политическая и религиозная святыня Пскова, в котором вместе со старшими священниками, или поповскими старостами, заседали и мирские церковные старосты, избранные обществом, и принимали в управлении псковской церковью одинаковое участие со священниками, так что без их согласия даже нельзя было построить той или другой церкви; и где была особая палата со своими выборными старостами и сотскими, в которой велись особые книги для записки всех гражданских актов и сделок, имеющих, как говорится ныне, крепостной характер; где в особом ларе хранились все законы и постановления, как церковные, так и гражданские. А печать, присвоенная церкви Св. Троицы, была собственно печатью Пскова и по закону могла заменять и заменяла, когда это было нужно, печать княжескую. Впрочем, собор Св. Троицы, несмотря на свой более мирской, чем церковный характер, во все время мира и согласия Пскова с Новгородом нисколько не стеснял развития власти новгородского владыки в псковской церкви.

Ссоры с владыкой новгородским

Между тем у Пскова, уже выросшего и окрепшего, в 1307 году последовала первая серьезная ссора с Новгородом и с тем вместе открылось и первое розмирье с новгородским владыкой, архиепископом Феокистом. Чем кончилось это первое розмирье, мы не знаем; впрочем, по всему вероятно, на первый раз дело было улажено какими-нибудь взаимными уступками, ибо в летописях нет никаких известий о последствиях этого розмирья. Но, как бы то ни было, по первому же розмирию псковичи поняли, что нравственная нить, связующая их с владыкой новгородским, порвалась, что им уже не приходится терпеть по доброй воле зависимость своей церкви от новгородской; неудовольствия и неприязненные отношения, очевидно, уже не прекращались и довели дело до того, что в 1331 году, пользуясь случаем избрания нового владыки в Новгород, вследствие удаления в монастырь архиепископа Моисея, псковичи выбрали себе в отдельные, собственно псковские епископы инок Арсения и отправили в Волынскую землю к митрополиту Феогносту на посвящение. Но митрополит, желал поддержать старый порядок и, конечно, по просьбам новгородцев, отказал Арсению в посвящении, несмотря на ходатайство великого князя литовского Гедимина и других тамошних князей. Таким образом, первая попытка псковичей отделить свою церковь от новгородской не имела успеха и они поневоле должны были покориться высшему суду главного архипастыря всей русской церкви и по-прежнему признать над своею церковью власть новопоставленного новгородского архиепископа Василия. Но невольное признание чуждой и неугодной обществу власти, естественно, не могло быть прочным. На первый раз в 1333 году владыка Василий, приезжавший на свой обычный поезд, был принят псковичами с почетом и радушно; зато во второй приезд, бывший в 1337 году, псковичи не только приняли холодно прибывшего к ним владыку Василия, но даже не дали ему и законом определенного суда по церковным делам; так что владыка принужден был поспешить удалением из Пскова и, уезжая, предал псковичей проклятию за их непокорность, а псковичи в ответ на это, кажется, выгнали его наместника и прекратили с ним все сношения, что и продолжалось десять лет. А между тем Псков все более и более отделялся от Новгорода в политическом отношении и развивал свою самостоятельность; в отношении же к Новгороду находился в каком-то неясном и двусмысленном положении, ни в мирном, ни во враждебном.

Наконец новгородцы, чтобы прекратить все недоумения со Псковом, в явной и прямой помощи которого они нуждались по случаю войны с шведским королем, в 1347 году заключили с псковичами формальный договор, по которому признали Псков младшим братом, т. е. таким же независимым и самостоятельным государством, как и самый Новгород. Относительно же управления церковными делами, по настоянию псковичей, новгородцы в том же формальном договоре положили законом, чтобы новгородский владыка управлял псковской церковью чрез своего наместника, непременно выбранного из псковичей, а отнюдь не из новгородцев, и чтобы ни по каким делам не вызывал псковичей на свой суд в Новгород. Это новое узаконение, принятое за основной закон, на время удовлетворило псковичей, примирило их с новгородским владыкой и они обещались принимать его по-прежнему во время его срочных подъездов и давать суд на целый месяц. Кроме того, в дополнение к договору псковичи выговорили себе право, чтобы при владычном наместнике на суде и во всяком церковном управлении Пскову держать своего мужа из мирских людей; так что владычен наместник мог вести свои дела не иначе как по согласию с мужем, назначенным от веча. После таких важных уступок владыки новгородские опять вошли в сношения с псковичами и стали по-прежнему посещать Псков, и в урочное время на подъезд и суд, и в неурочное время, по просьбе псковичей. Таким образом, по-видимому, все было улажено надлежащим порядком; но на деле и та и другая сторона не были удовлетворены. Псковичи были недо-

вольны тем, что их церковь все еще оставалась в зависимости от новгородской; а владыка новгородский, конечно, не мог не скорбеть, что его архипастырская власть осталась почти при одном праве – пользоваться определенными доходами.

Новое положение псковской церкви после мира 1347 года

Законы относительно церковного устройства во Пскове, утвержденные мирным договором 1347 года, дали новое направление всему строю псковской церкви. Владыка новгородский, по миру 1347 года, почти лишенный всякой власти во Пскове, естественно, ничего не мог сделать в пользу благоустройства псковской церкви и волей-неволей должен был оставлять ее собственной ее судьбе. Все его распоряжения, как бы они ни были благоразумны и благонамеренны, почти не имели никакой силы; ибо, с одной стороны, на него самого псковичи смотрели не столько как на архипастыря, сколько как на откупщика подъездных и судебных пошлин, а с другой стороны, единственный орган владыки во Пскове, его наместник, непременно из псковичей, и притом под надзором мирского человека, назначенного вечем, не столько зависел от владыки, сколько от мирского общества. Все это поставило псковских духовных в какое-то неопределенное и неясное положение: духовные, по миру 1347 года, оставаясь без надлежащего надзора и защиты от своего отдаленного и стесненного в своих действиях архипастыря, должны были волей-неволей вполне подчиниться крепкому светскому обществу и почти обратиться из пастырей церкви в светских чиновников, выбранных обществом к церковной службе. В мирских делах это положение представляло духовным множество выгод. Духовенству псковскому, после мира 1347 года, открылась дорога ко всем правам: духовные с того времени получили право голоса на вече, так что без их присутствия не начиналось вече: они должны были открывать его своим благословением; без благословения духовных не издавалось основных законов; так, например, в известной судной грамоте читаем: «Ся грамота писана по благословию отец своих попов всех пяти соборов, и священноиноков и диаконов и всего Божияго священства, веєм Псковом на вече». С этого преимущественно времени священники и игумены появляются послами от Пскова к соседним государям, участниками в военных походах и даже военными начальниками при защите городов и хранителями общественной казны. Они своим участием в общественных делах приобретают уважение общества и пользуются значительными выгодами; так что даже бояре вступают в должности диаконов и священников, и отнюдь не из особого благочестия, а просто рассчитывая на хорошие доходы от церкви; ибо как скоро таковые расчеты почему-либо оказывались неверными, то те же самые лица не задумывались сложить с себя духовный чин и поступить на иную службу; так, например, летопись под 1477 годом упоминает о боярине Андрее Иванове, сыне попове раздиаcone, который, по определению веча, вместе с другим боярином Опимахом Гладким правил посольство от Пскова к великому князю Московскому.

Но, успевая в делах мирских и превращаясь из пастырей церкви в светских чиновников, псковское духовенство с 1347 года начало быстро клониться к упадку в делах своего церковного служения. Оставаясь без надлежащего надзора и гоняясь за мирскими выгодами, оно без всякого внимания и кое-как занималось своими существенными обязанностями служителей церкви и довело это важное дело до крайних беспорядков. Митрополит Киприян в своем послании к псковскому духовенству пишет, что до него дошло известие от их же попа Харитона и его товарищей, что во Пскове нет ни правильного номоканона, ни уставов литургии Ионна Златоустого и Василия Великого, ни правильного синодика, ни требника – как крестить детей и венчать браки, что у них крестят детей, обливая водою, а не погружая; что приобщают св. таин Христовых по окончании обедни, т. е. по сделании отпуска, а при освящении церковей антимины режут начетверо и дают в церковь одну четвертую долю. К тому же не должно опускать из вида, что при слабом надзоре, при выгоде иных духовных мест и при почете, которым вообще пользовалось духовенство, должности духовных

сделались предметом искательств для людей, вовсе к ним неспособных и недостойных, которые стали достигать их посредством подкупов и разных неприличных происков у мирских людей, что было весьма удобно делать, ибо все духовные должности зависели от выбора мирских людей, а владыка только рукополагал избранных и не имел возможности контролировать самый выбор.

Ересь стригольников

Все это мало-помалу установило в псковском обществе очень невыгодный взгляд на духовенство относительно его пастырской церковной деятельности; так что у многих мирских людей, и даже у духовных, зародилась мысль: да нужно ли иметь духовенство и нельзя ли обойтись и без него. Эту мысль, может быть давно уже блуждавшую у многих, в 1471 году развили до учения и пустили в ход три ересеначальника, – стригольник Карп, диакон Никита и третий, имя и звание которого не сохранилось в памятниках. Они, по свидетельству посланий патриархов Константинопольских Нила и Антония, под видом благочестия и желания сохранить божественные писания и священные каноны, всех святителей, священников и клириков, как поставляющих, так и поставляемых, назвали поставленными на мзде и еретиками, объявляя только себя правоверными. Потом, отвергнувши всю церковную иерархию, они начали отрицать уставы церковные и даже таинства, совершаемые чрез священников, например: причащение телу и крови Господней и покаяние, повелевая каяться к земле, а не к священникам. Таковое дикое и противохристианское учение, естественно, должно было поднять против себя как церковную иерархию, так и всех благомыслящих людей во Пскове и в Новгороде; и ересеначальники были схвачены в 1376 году и отвезены в Новгород, где по суду владыки Алексия были отлучены от церкви, а судом народного веча сброшены с моста в Волхов. Но, разумеется, казнь ересеначальников не прекратила ереси, глубоко пустившей корни в приготовленном к тому обществе. Ересь взволновала весь Псков и слух о ней достиг даже до Константинополя, и оттуда в 1382 году приехал во Псков Суздальский владыка Дионисий, с благословением и грамотой патриарха Нила, по поручению новгородского архиепископа Алексея начал учить псковичей надлежащему пониманию закона Божия, утверждать в истинной христианской вере и убеждать, чтобы не слушали злонамеренных людей и еретиков. Потом, в 1384 году, приезжал во Псков сам владыка Алексей и, кажется, по возможности уладил дело о стригольниках, так называемых по ремеслу своего ересеначальника, хотя, конечно, следы ереси еще оставались, и следы довольно заметные. Ибо еще в 1395 году Константинопольский патриарх Антоний нашел нужным послать грамоту во Псков против стригольников, да и тогдашний митрополит всея Руси Киприан в том же году приезжал в Новгород едва ли не по делу о стригольниках; ибо псковичи, как только услышали о приезде митрополита, немедленно отправили к нему свое посольство для принятия благословения и представления поминков; а митрополит, отъезжая из Новгорода, немедленно послал во Псков полотского владыку Феодосия, который от митрополита и привез грамоту патриарха Антония.

Положение церкви по уничтожении ереси стригольников

Как бы то ни было, меры, принятые церковной иерархией против стригольников, имели некоторый и даже значительный успех – ересь примолкла; но, к сожалению, против причин, породивших эту ересь, не было принято никаких мер, их даже не затрагивали. Псковская церковь осталась в прежнем неудовлетворительном положении: главное препятствие ко введению надлежащего порядка не было устранено; Псков по-прежнему остался без местного святителя, и новгородский владыка по-прежнему был стеснен в своих распоряжениях вмешательством псковского веча в церковные дела, а это вмешательство год от года все развивалось более и более. Псковичи хотя и продолжали поддерживать мирные сношения с владыками новгородскими, но в то же время строго стояли за свои права, утвержденные миром 1347 года. Так, когда в 1411 году владыка новгородский Иоанн вздумал прислать во Псков своего протопопа Тимофея – требовать с священников владычня подъезда, то псковское вече запретило священникам давать этот подъезд и велело сказать Иоанну: «Коли Бог даст будет сам, владыка во Пскове, то и подъезд его чист, как пошло изперва по старине». Но мир с владыками новгородскими продолжался только до 1419 года; и в этом же году владыка Симеон в последний раз был на своем подъезде во Пскове и уехал недовольный, не прожив урочного месяца; и после этого в продолжение 16 лет не было владычня подъезда во Пскове. Потом, когда владыка Евфимий, много способствовавший примирению псковичей с новгородцами, в 1435 году приехал во Псков и, видя страшные беспорядки в церкви и надеясь на свои услуги Пскову при заключении мира с новгородцами, думал несколько развить свою власть и стал требовать, чтобы для лучшего надзора ему дозволено было назначить своих наместника и печатника из новгородцев, а не из псковичей; то вече наотрез ему отказало в этом дозволении, даже запретило духовенству платить владычен подъезд, и хотя немного спустя после многих споров и угроз и уступило требованию владыки; но как скоро владычен наместник, не из псковичей, стал судить не по псковским обычаям, то псковичи вступили в бой с владычными Софьиными, и владыка в гневе, не прожив и трех недель, уехал и даже не принял даров от псковского веча. После этого опять 15 лет не было владычня приезда во Псков; и только в 1450 году владыка Евфимий, много трудившийся на пользу псковичей при заключении мира с немцами, вторично посетил Псков. На этот раз владычен приезд был угоден и для владыки, и для псковичей; священноиноки, священники, диаконы, посадники и бояре вышли встречать владыку к дальнему Пантелеймону. Владыка в тот же день, как приехал, служил литургию в церкви Св. Троицы, а на третий день соборовал, чем особенно всегда дорожили псковичи. На этом соборовании торжественно читали синодик, проклинали злых, которые хотят зла Пскову и Новгороду, пели вечную память благоверным князьям, лежащим в Доме Святые Софии и Святые Троицы, а также всем добрым людям, положившим свои головы и пролившим кровь за дом Божий и православное христианство, а живущим окрест Новгорода и Пскова пели многая лета. Псковичи, довольные всем этим, от всех концов дарили и чтили владыку, и князь псковский и посадники проводили его с большой почестью до рубежа Псковской земли. В этот приезд от владыки не было и помину ни о подъезде, ни о суде, он приезжал только мириться с Псковом и, кажется примирился окончательно; ибо следующие два владычня приезда, в 1453 и 1457 годах, владыка постоянно был принимаем псковичами с большими почестями, и каждый раз у них соборовал, торжественно чел синодик и получал беспрекословно свой подъезд и суд; но, конечно, в сии приезды уже не было и помину ни о назначении наместника не из псковичей, ни о других вопросах относительно развития владычней власти, как это ясно показывает тогдашнее положение псковской церкви.

Беспорядки в церкви и упадок духовенства

Ни мир, ни ссоры с новгородскими владыками псковского веча нисколько не помогали псковской церкви и не исправляли вопиющих беспорядков; ибо псковичи и мирились, и ссорились только из владычных пошлин и власти псковского веча; вече стояло на одном, чтобы статьи мирного договора 1347 года относительно епископской власти во Пскове выполнялись и чтобы епископская власть отнюдь не развивалась, а скорее стеснялась; каковы же были порядки в псковской церкви и удовлетворителен ли надзор за духовенством, об этом не только не было вопроса, но даже вече постоянно отклоняло его, ежели он поднимался которым владыкой. Между тем духовенство в своем церковном значении, после поражения ереси стригольников, все падало ниже и ниже и год от года все более подчинялось светскому обществу; псковское вече год от года захватывало более власти над духовенством и распоряжалось церковными уставами и судом по своему произволу; церковные старосты, не только приходских церквей, но и при монастырях, заведовали и распоряжались церковным имуществом, без всякого отношения к игуменам и священникам, а замещение игуменских и священнических вакансий обратилось просто в торговлю: принимали к церквам и монастырям игуменов и священников без ставленных и отпускных грамот, только бы кто дал дороже за место или согласился принять должность на более выгодных условиях для старост и главных прихожан, а каков принимаемый, об этом не думали и спрашивать. При таком беспорядке, как свидетельствуют и летописи, и официальные памятники, нередко поступали к церковным должностям люди развратные и зараженные ересью стригольников; встречались в псковских монастырях иеромонахи, которые смеялись над священничеством и никогда не причащались святых таин; а церковные власти не имели никакой силы, ибо своевольница, набираемая старостами, и знать не хотела церковного суда, напротив, надеясь на своих покровителей, церковных старост, спешила прикрываться мирским судом. Уже в 1395 году митрополит всея Руси Киприан писал к псковичам: «Слышал я, что во Пскове миряне судят и казнят попов в церковных вещах, и вы бы дети мои псковичи от велика до мала не судили ни казнили попов, греха бы на свою душу не брали ни зорока на весь Псков не чинили. Слышал еще, что у вас иные молодые попы, овдовевши поженились, не оставив поповства; и того вам также не годится судить, ведает то святитель, он поставит и извержет, и казнить и учить. А что земли церковная, или села, купли ли будет, или кто дал умирая которой будет церкви; а в те бы земли не вступались никто от вас, чтобы церковь Божия не изобижена была, занеже в том велик грех от Бога». Или в 1416 году новгородский владыка Симеон в своем послании в Святогорский монастырь пишет: «Непослушные чернецы оставляют монастырь и поднимают мирских людей и мирских судей на игумена и старцев; и те мирские судьи и миряне судят иноков мирским обычаем, как лепо мирянам, и орисужают игумену и старцам ыи поединок, или роту (клятву)». А митрополит Фотий в своем послании в тот же Святогорский монастырь от 27 июня 1418 года пишет, «что по доношению игумена между иноками Святогорского монастыря есть такие, которые отвергают покаяние и приобщение святым тайнам Христовым телу и крови». Или послание новгородского владыки Евфимия к псковскому духовенству (1426 г.) свидетельствует, что во Пскове принимают к церквам игуменов и священников без ставленных и отпускных грамот. А митрополит Фотий в своем послании к псковским посадникам и духовенству от 4 января 1430 года пишет, что в Псковской земле многие священники живут не по священническому чину, к церквам Божиим не ходят, и людей приходящих к церквам соблазняют своим небрежением, а другие при миропомазании употребляют миро, полученное от латинян (т. е. бессмысленно подчиняют свою церковь латинской). И в том же послании требует, чтобы «прислали к нему одного из священников, человека искусного, и он научит его о всех церковных правилах, и

о пении церковном, и о церковных службах, и миро святое великое с ним пришет, и что будет потребно из святого писания, велит списать и пришет во Псков». Следовательно, во всем этом псковская церковь крайне нуждалась, и духовенство, занятое более мирскими, чем церковными, делами, и при недостатке надлежащего надзора мало заботилось о церковных порядках и вообще к своему существенному делу, к церковной службе, относилось с крайней небрежностью и невежеством. На беспорядки в псковской церкви, на упадок тамошнего духовенства лучше всего указывают послания патриархов Константинопольских, митрополитов всея Руси и новгородских архиепископов во Псков, которых за это непродолжительное время мы имеем уже напечатанных более двадцати.

Меры, принимаемые духовенством к собственной защите и поддержанию порядка в церкви

Само псковское духовенство ближе всех сознавало всю незащищенность своего положения, как пастырей церковных, и все беспорядки как в жизни служителей церкви, так и в самой церковной службе и, чтобы как-нибудь устроить опору в своей среде, думало найти эту опору в устройстве соборов, в церкви, которые представляли бы собой организованные общины с своими ближайшими представителями, судьями, блюстителями и ходатаями. Старейшей таковой церковной общиной, и единственной в продолжение 200 лет, был собор Св. Троицы. Собор этот первоначально достиг своей цели: духовенство находило в нем свою опору, особенно в те отдаленные времена, когда Псков еще жил в мире и согласии с новгородскими владыками; но в продолжение времени собор этот мало-помалу обратился в учреждение не столько церковное, сколько в государственное и общественное, для управления как церковными, так и мирскими делами, где уже мирские власти получили перевес над поповскими старостами. А между тем, по мирному договору 1347 года, за стеснение епископской власти вечем, духовенство год от года стало ощущать большую нужду в местной ближайшей поддержке, как для себя, так и для наблюдения за церковным порядком. А посему ровно через десять лет, после мира 1347 года, духовенство, воспользовавшись постройкой вновь церкви Свв. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви, учредило при этой церкви второй собор, чтобы держать всedневную службу, как говорили духовные в своем прошении к вечу. Но через 60 лет, т. е. вскоре после поражения ереси стригольников, двух соборов уже оказалось недостаточно; и в 1417 году священники, не вошедшие в общины сих соборов и, следовательно, остававшиеся без местной опоры, общим челобитьем обратились к псковскому вечу и выхлопотали себе дозволение устроить третий собор при церкви Св. Николы над Греблею. Потом, по мере падения духовенства, соборы стали устраиваться чаще: четвертый собор при церкви Всемилошного Спаса и Великомученика Димитрия был устроен в 1453 году, т. е. через 36 лет после третьего собора; в этом году приезжал во Псков новгородский владыка Евфимий и по просьбе священников к нему обратились тогдашний псковский князь и посадники с челобитьем, чтобы благословил устроить четвертый собор священникам, не причисленным ни к одному из прежних соборов, на что владыка и изъявил свое согласие. Далее, через девять лет после учреждения четвертого собора, духовенство било челом псковскому вечу о дозволении устроить пятый собор; и вече приговорило быть пятому собору у Похвалы Святой Богородицы, да у Покрова Святой Богородицы, да у Святого Духа, за Домонтовой стеной. А еще через девять лет, в 1471 году, священники, еще не причисленные ни к одному из прежних соборов, били челом псковскому вечу, чтобы оно печаловалось перед великим князем и митрополитом о дозволении устроить и шестой собор; и митрополит благословил быть шестому собору при церкви Входа в Иерусалим. Это быстрое распространение соборов, учреждаемых по просьбе самого духовенства, и притом совпадающее с постепенным ослаблением епископской власти во Пскове, лучше всего свидетельствует, что псковское духовенство, по мере ослабления епископской власти, все более и более слагалось в пресвитерианском характере, и единственную и ближайшую себе защиту находило в соборах, где у духовных были свои выборные начальники – соборские поповские старосты, которые были обязаны стоять за порядок церковный и, по мере сил, отделяться от притязаний мирской власти и общества.

Попытка псковичей иметь своего епископа

Но очевидно, устройство соборов еще далеко не удовлетворяло настоящим нуждам псковской церкви; и псковичи всем Псковом на вече порешили искать себе давно желаемого отдельного епископа для псковской земли и в 1464 году отправили посольство в Москву – просить великого князя Ивана Васильевича, чтобы «пожаловал свою отчину Псков, велел бы своему отцу-богомольцу, митрополиту Феодосию, поставить владыку во Псков а нашего псковитина». Великий князь на это отвечал: «То есть дело великое, хотим о том с своим отцом митрополитом гораздо мыслити; и отец наш пошлет по наши богомольцы, а по свои дети, архиепископы и епископы, и будет ли подобно (прилично) тому быти; а ваши честные послы у нас будут; и мы вам откажем (дадим ответ), как будет пригоже». И действительно, в том же году великий князь, посоветовавшись с митрополитом Феодосием, отказал (дал ответ) с новым псковским посольством, что «немочно быти во Пскове владыке, зане искони не бывал, а не столь (кафедра) во Пскове». Таким образом, эта новая и последняя для независимого Пскова попытка – добыть себе отдельного епископа законным порядком – не удалась. Псковичи, недовольные отказом, но не осмеливавшиеся идти открыто против великого князя, перенесли свое неудовольствие на владыку новгородского. Они в 1465 году отняли у него села и земли, уступленные вечем владычней кафедре в древнее время; но и в этом они должны были уступить настоящим требованиям великого князя и митрополита, и в следующем 1466 году целовали пред новгородским посольством крест, что возвращают владыке отнятые земли и села, и будут жить в мире и братстве с новгородцами по старине, и соглашаются, чтобы владыка ездил во Псков, по старине, по свою пошлину. И в том же году новгородский владыка архиепископ Иона приезжал во Псков на свой подъезд, был встречен, по обычаю, всем священством и множеством народа, соборовал в церкви Св. Троицы, читал синодик и пел благоверным князьям и всем православным христианам великие много лет и злых проклял. Псковичи беспрекословно дозволили ему собрать с псковского духовенства свой обычный подъезд и с честью проводили его до своего рубежа.

Духовенство псковское устраивает пресвитерианское общество

Таким образом, все пошло по-старому – владыки новгородские по-прежнему начали получать свой подъезд и суд и держать во Пскове своего наместника из псковичей, а псковская церковь все более и более подчинялась вечу. Духовенство же по-прежнему все падало ниже и окончательно подчинилось псковскому обществу; беспорядки в церковной службе и в жизни духовных увеличивались более и более. Прихожане и церковные старосты, выборные от прихода, не только торговали церквами как лавками, не допускали священников и даже игуменов по монастырям ни в какому церковному управлению и распоряжались церковными именьями и суммами как своими собственными, но и самими священниками и игуменами нередко располагали как своими наемниками. Защита, которую духовенство думало найти в соборах, оказывалась очень слабою и ненадежною в борьбе с требованиями народного веча, которое распоряжалось церковными делами с полным произволом, не справляясь ни с какими церковными законами. В 1468 году своеволие веча дошло до того, что оно отлучило от службы и лишило должностей всех вдовствующих попов и диаконов, не только не посоветовавшись об этом с владычным наместником и псковскими соборами, но даже не спросившись ни у владыки новгородского, ни у митрополита всея Руси. Эта последняя чересчур крутая и своевольная мера, и многие другие вопиющие беспорядки и неправды наконец подняли долго молчавшее духовенство; и в 1469 году все священноиноки и священники всего Пскова решились на последнюю меру: образовать из себя правильно организованное пресвитериальное общество со своими законами, утвержденными всем Псковом, со своим выборным начальством, которое было бы представителем не того или другого собора, но всего псковского духовенства и имело бы достаточно силы действовать сколько-нибудь независимо от прихотей церковных старост и своеволия веча. Решившись на такую важную меру, священноиноки и священники Пскова, все до одного, осенью 1469 года явились на вече и, благословив псковского князя Федора Юрьевича и посадников степенных и всех посадников и весь Псков, выразили свое требование, с которым пришли, в следующих словах: «Таково видите и сами, сынове, что по нашим грехам, такову на нас Господь свою милость посылает к нам, и ожидая, сынове, как от вас, так и от нас обращения к себе. А ныне, сынове, промежи себя хотим, по правилам св. отец и святых апостол, во всем священстве крепость поддержи, а о своем управленьи, как нам священникам по Номоканону жити; а вы нам, сынове, поборники будете, за неже здесь в сей земли правителя над нами нет, а нам о себе тоя крепости удержати немочно но промежи себя о каковых нибудь духовным вещах. А вы ся в то иное и миром вступаете, а чрез святых апостол и св. отец правила; а в том, сынове, и на вас хотим таковую крепость духовную поддержи». Вече, отчаявшееся уже иметь особого епископа Пскову и желая так или иначе отделаться от владыки новгородского, было радо такому предложению духовенства и отвечало: «То ведаете вы, все Божие священство; а мы вам поборники на всяк благ советь». По получении такового благоприятного ответа духовенство, написав грамоту из Номоканона о всех своих священнических крепостях и о церковных вещах, положило ее в ларь Св. Троицы, где хранились и окончательно утверждались все псковские законы, и на вече, перед всем Псковом, выбрало себе по грамоте правителей над всеми бывшими тогда пятью соборами и над всем священством, попа Андрея Козу, от Св. архангела Михаила и другого с Завеличья Харитона, попа от Успения Пресвятой Богородицы. Таким образом, псковское духовенство, с согласия всего Пскова, успело организовать из себя что-то целое, в чисто псковской форме правления, при двух выборных начальниках, со своими законами, которые обязалось соблюдать и само псковское вече.

Но непродолжительно было существование этого нового устройства, придуманного псковским духовенством; той же осенью, в ноябре, один из выбранных правителей, поп Андрей Коза, возбудил против себя неудовольствие и бежал к владыке в Новгород, а зимою, 22 января, владыка новгородский Иона уже приехал в Псков. Посадники, духовенство и народ встретили владыку у Старого Вознесения, обыкновенным порядком, со крестами. Прожив неделю, владыка соборовал у Св. Троицы, причем торжественно читали синодик, пели благоверным князьям, лежащим в Доме Св. Троицы, вечную память, а всем православным христианам великие много лет, а злых предали проклятию. Исправивши это все по порядку, владыка пригласил к себе на Пустынский двор (где обыкновенно останавливались Новгородские владыки, приезжая во Псков) посадников и всех священников, начал расспрашивать о составленной духовенством уставной грамоте и говорит: «Кто осмелился ее составить и утвердить не спросясь меня, я сам хочу здесь судить и разбирать все духовные у дела, а вы выньте ту грамоту и раздерите». На это требование владыки духовенство, посадники и вече отвечали ему: «Мы, господине, сделали это не отступая от миродокончальной грамоты, на которой крест целовали; а сам ты ведаешь, что тебе здесь не само много быти, а того дела тебе вскоре нельзя управить, занеже при сем последнем времени о церквах Божиих смущенно сильно в церковных вещах и священниках, немощно нам тебе всего и сказать, тии сами ведают, тако творяще все бесстужство; ино о том та грамота от всего священства из Номоканона выписана и в ларь положена по вашему же слову, как еси сам, господине, прежде сего был в дому св. Троицы, и прежние твоя братья, а велите и благословляете всех пяти соборов с своим наместником, а с нашим псковитяном, всякия священническая вещи по Номоканону правити». На таковой ответ владыка смиренно и кротко сказал: «Мне об этом должно доложить митрополиту Московскому и всея Руси Филиппу, и я вас уведомлю о том, как он повелит управит это; ибо я и сам, сынове, от вас слышу, что это дело великое и христианству очень развратно, а церквам Божиим мятежно, а иноверные радуются, видя христиан живущих в такой слабости, и укоряют наше небрежение». Покончивши таким образом переговоры о новой уставной грамоте, владыка благословил всех псковичей, собрал со священников свой подъезд, и 5 февраля оставил Псков, и его с почетом проводили до рубежа. Но тем дело не кончилось. Осенью следующего года, по челобитью владыки новгородского, приехал во Псков с великокняжеским послом и посол от митрополита. Посол этот передал всему Пскову благословение от митрополита, подал вече митрополичью грамоту, в которой написано так: «Чтобы есте тое управление, сынове, священническое, как священники, так и весь Псков, положили на своего богомольца архиепископа, занеже тое дело изкони передано святителю управляти». Затем присланный вместе с посольством владычен человек Автомон от имени архиепископа новгородского сказал: «Вас все священство и весь Псков, своих сыновей, благословляю; и коли тыя святительския вещи положите на мне, то и сами увидите, какову о том наипаче затея крепости духовную крепость о всяком церковном управлении и о священниках поддержку». Посол великого князя от его имени также подал совет не противиться требованию митрополита и владыки новгородского. Псковское вече и духовенство, не решаясь противоречить великому князю и митрополиту, положили передать все церковное управление владыке новгородскому Ионе, на основании правил Номоканона, но еще два месяца не вынимали уставной грамоты из ларя; наконец 5 января вынули означенную грамоту и подрали, а 7 января отправили к владыке новгородскому посольство просить его распоряжений о церковных делах. Так кончилось придуманное псковским духовенством и утвержденное вечем новое церковное устройство, имевшее силу действующего закона только один год и два месяца с половиной, как прямо сказано о церковной уставной грамоте в летописи: «А лежала в лари тая грамота положена год да полтретья месяца».

Владыка новгородский снова вступает в свои прежние права. И новые неудовольствия и беспорядки

С передачею управления псковскою церковью владыке новгородскому на прежних недостаточных основаниях по-прежнему начались беспорядки и неудовольствия; по-прежнему духовенство вступило в зависимость к светскому обществу и вечу, а на владычнем управлении на первом году стали роптать. Летописец говорит: «Тояже зимы (1470 г.) владыка Иона прислал во Псков приказание, чтобы вдовые священники и диаконы ехали к нему в Новгород на управление, и начал у них мзду имать, у кого по рублю, у кого по полтора рубли, и всем без исключения начал давать благословение и новыя грамоты за печатями ради тоя мзды, а не по св. отец и святых Апостол правилам, как обещал Пскову». Очевидно, обвинения летописца в настоящем распоряжении владыки Новгородского едва ли были правильны, ибо в деле о вдовых священниках архиепископ Иона своими распоряжениями только уничтожил своевольное и незаконное распоряжение псковского веча, в 1468 году вмешавшегося в святительский суд и отлучившего вдовых священников от службы самовольно, не снесясь с владыкой. Владыка здесь только отступал от порядка, узаконенного мирным договором 1347 года, по которому псковских священников не дозволялось вызывать для суда в Новгород. Это неправильное обвинение прямо свидетельствует, что во Пскове неприязненно смотрели на управление владыки новгородского псковской церковью и что псковичи, видимо уступивши настояниям великого князя и митрополита, продолжали свое прежнее самоуправство относительно церковных дел и не думали искать управы у владыки новгородского, а напротив, смотрели на владыку как на собирателя известных пошлин и мздоимного притеснителя духовенства. И действительно беспорядки и соблазн в псковской церкви, по уничтожении уставной грамоты 1469 года, год от года увеличивались и подчас достигали крайних пределов безобразия, свидетельствующих о том, как низко пало псковское духовенство. Вот два случая, резко характеризующие это плачевное время, записанные в летописях. В 1470 году сгорела церковь на Уситве, принадлежащая собору Св. Троицы, на другой год вздумали построить вместо одной сгоревшей две церкви – одну на старом месте, а другую на новом, против первой. Но строители на новом месте подкупом подняли чернь и толпою явились на вече, и по их требованию посадники послали с веча приставов остановить постройку церкви на старом месте. И в это же время игумен одного монастыря тоже поднял чернь, с толпою пришел на вече и говорил: «Вам нет в том никакого греха, ежели вы отнимите у Святой Троицы ту землю и воду (где была старая церковь) и отдадите мне в монастырь, я это принимаю на себя». И посадники вместе с вечем, не разбирая дела, приняли и сторону дерзкого игумена, отняли означенную землю у церкви Св. Троицы и передали в монастырь. А другой случай еще безобразнее: в 1495 году вече положило собрать полк в помощь московскому государю против немцев и определило, чтобы с десяти сох снаряжали по одному конному человеку, не исключая священников и диаконов. Священники и диаконы этому воспротивились и явились на вече отстаивать свои права; завязался горячий спор, в котором, после многих ругательств над всем духовенством, вече определило высечь кнутом двух Рождественских священников Ивана и Андрея, и несчастные, уже раздетые, в одних сорочках стояли перед народным собранием, и только кстати отысканное одно правило Номоканона, по которому запрещалось собирать военных людей с церковной земли, спасло от кнута спины означенных священников.

Устройство псковской церкви вообще

Таким образом, Псков, в продолжение всей своей исторической жизни до самого присоединения к Москве постоянно тяготившийся зависимостью своей церкви от владыки Новгородского, не мог освободить ее от этой зависимости; и церковь псковская постоянно оставалась только известной частью церкви новгородской, но такой частью, которая имела свой, ей только свойственный характер, которым она резко отличалась как от новгородской церкви, так и от других церквей Русской земли. Новгородский владыка, с которым псковская церковь против воли была связана, с первых годов XIV столетия уже постоянно считался для нее чуждым, по крайней мере во мнении псковского общества. В своей церковной иерархии псковская церковь считала только игуменов, священноиноков и священников, диаконов и причетников, других церковных чинов она не знала; в ней даже не было архимандритов. Стараясь, сколько возможно, менее иметь отношений к владыке Новгородскому, церковь псковская непосредственно управлялась своими выборными поповскими старостами, протопопами, или соборскими старостами; а находясь в большей зависимости от светского общества и веча, она должна была допустить в ближайшему участию в своих делах и церковных старост из мирских людей, выборных от местного общества. В Псковской земле не только при церквях приходских и соборах, но и при монастырях всегда было по двое выборных старост от местного общества, которые, как представители своих избирателей-прихожан, имели огромное влияние на церковные дела, управляли церковными имениями и даже распоряжались священнослужителями, могли удалять их и приискивать новых по своему усмотрению. Псковская церковь особенно отличалась от других русских церквей тем, что носила характер демократический и находилась в большой зависимости от мирского общества; другой отличительной чертой псковской церкви было то, что не только монастыри и соборы, но и все приходские церкви без исключения имели за собой значительный по псковским размерам вотчины, как прямо об этом писал даже в XVII веке митрополит Маркелл: «Здесь во Пскове все церкви вотчинные, и по древнему обыкновению церквами владеют и теми вотчинами корыстуются мужики» (т. е. мирские люди).

Церкви во Пскове разделялись на городские и сельские, и последние постоянно находились в подчинении у первых и управлялись городскими поповскими старостами. Отпадение сельских церквей от городских последовало уже во время московского владычества, как прямо говорит летопись под 1544 годом: «Отклонишься от городских попов, от всех семи соборов сельские попы и пригородские; а владыка Феодосий благословил старосту им, дал Ивана попа Георгиевского с болота». Во время же самостоятельности Пскова все церкви городские, и пригородские и сельские, составляли одно целое, и до 1357 года причислялись все к Троицкому собору, а потом, в продолжение времени, были распределены во время независимости Пскова на шесть соборов; по соборам были расписаны не только приходские церкви, но и монастыри; так что в этом отношении монастыри не отличались от приходских церквей и состояли в ведении того же выборного начальства, как и сии последние, т. е. у поповских соборских старост, в которые избирались как игумены, так и белые священники, например, в летописи под 1466 годом сказано: «Псковичи поставили церковь Св. Варлаама по совету всех пяти соборов священноиноков, священников и диаконов». Здесь за уряд причислены к пяти соборам священноиноки и священники. Монастыри во Пскове также имели свои приходы и состояли в такой же зависимости от веча и под управлением приходских старост, как и другие приходские церкви.

Общественное значение духовенства

Духовенство во Пскове не составляло отдельного сословия; в церковную службу там обыкновенно поступали, как и во все другие службы, по выбору из всех сословий; а дети священнослужителей ежели не поступали в церковную службу, то уже не считались в числе духовных, а причислялись или к тому сословию, к которому относились по избранным ими занятиям, или считались в том сословии, из которого вышли их отцы. Так, ежели который священник был выбран к церковной службе из бояр, то его дети, не поступившие на церковную службу, причислялись к боярам. А посему духовенство, как чисто выборный класс служилых людей, во Пскове пользовалось всеми правами полноправных граждан, наравне с мирскими людьми, и участвовало на вече, и за то несло все общественные повинности и тягости наравне мирянами: так, например, в 1517 году, при постройке стены на Кромех, священники по раскладке возили камень, а псковичи – песок. Вообще положение духовенства во Пскове далеко не походило на положение духовенства в других краях Руси. О псковском духовенстве можно сказать, что оно, в сравнении с духовенством в других краях Руси, по своему положению в обществе ближе подходило к мирским людям, или, иначе сказать, служба духовенства была церковная, а общественное положение и жизнь – чисто мирские, несколько не напоминающие духовенство в Новгороде или в другом каком крае Руси.

Рассказ четвертый. Власти

Движение и виды власти во Пскове

Псков, как колония, как пригород Великого Новгорода, первоначально управлялся так же, как и все новгородские пригороды, т. е. новгородским вечем и собственным своим домашним вечем, которое вполне было подчинено новгородскому вечу и беспрекословно исполняло все его решения, как сказано в летописи: «на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут». При таковой зависимости псковского веча от новгородского, естественно, правительство во Пскове, т. е. все выборные власти, особенно важнейшие, обыкновенно присылались из Новгорода или новгородским вечем назначались из псковичей по выбору местного веча. Равным образом смена главных в городе властей принадлежала Новгороду: так, например, в 1132 году новгородцы дали посадничество во Пскове Мирославу Гюрятиничу, а в 1134 году перевели его посадником в Новгород. Или в 1136 новгородцы и псковичи, собранные на новгородском вече, общим приговором решили изгнать князя Всеволода Мстиславича и пригласить Святослава Ольговича; а в следующем году, по согласию с одною новгородскою партией, псковичи пригласили Всеволода к себе и решились драться из-за него с новгородцами и когда он в скорости умер во Пскове, то объявили своим князем его брата Святополка, а в 1138 году смирились с новгородцами и их князя Ростислава Юрьевича признали и своим князем. Впрочем, таковой порядок не был постоянным. Псковичи то принимали начальников, присланных новгородским вечем, то не принимали, а выбирали своих; то признавали своим князем новгородского князя, то принимали особенного князя, присланного Новгородом, то сами приглашали к себе князя со стороны. Вообще порядок управления Псковом первоначально зависел от того, в каком отношении Псков находился к Новгороду или, иначе сказать, господствующая ли партия новгородская действовала во Пскове или партия, потерпевшая поражение в Новгороде. В первом случае Псков совершенно подчинялся новгородским распоряжениям, а в последнем он вступал в борьбу с новгородскими порядками и выказывал некоторую самостоятельность в своем внутреннем управлении; так что почти до XIV столетия продолжалась какая-то неопределенность в устройстве псковского управления. Но по мере того как Псков усиливался и приобретал более независимости и самостоятельности, в нем вырабатывался свой своеобразный строй правительства, с виду очень сходный с новгородским, но, в сущности, далеко не похожий на него. По этому своеобразному строю правительство псковское составляли четыре вида властей: 1) верховная власть веча, представляющая собою волю самого Пскова; 2) власть выборная – это власть посадников и других начальников из псковичей же, назначаемых вечем; 3) власть приглашенная или принятая со стороны, собственно власть князя; 4) власть, насильно навязанная, чужая, каковою, как мы уже видели, была власть владыки новгородского, от которой власти Псков, во все время своей самостоятельности, старался отделаться, но не успел в этом.

Власть веча, как выражение воли целого народа, во Пскове, точно так же как и в Новгороде, была властью верховной и непрерывной и прекратилась только с падением самостоятельности Пскова при великом князе Московском Василье Ивановиче. Эта власть вынесла и отразила на себе все судьбы Пскова, так что история псковского веча есть уже в главных чертах история самого Пскова. Первоначально Псков был незначительным пригородом Новгорода, крайним западным постом новгородской колонизации в пределах чуждых племен, – чуди, наровы и летголы, вполне зависевшим от Новгорода, который сбывал туда свою неугодную вольницу и распоряжался ею для своих целей, собственно для защиты западной границы своих владений и для поддержки колонизации в этом краю. Во все это время и

псковское вече было покорным слугою новгородского веча; псковским вечем тогда руководили бояре и воеводы, приходившие из Новгорода. Потом, когда Псков несколько усилился и из военного поста сделался значительною колонией, обзавелся торговлею, стал иметь влияние на соседних иноплеменников, до некоторой степени подчинил их себе и начал посылать к ним своих данщиков, хотя еще и не разрывал своих связей с Новгородом и признавал себя новгородским пригородом, тогда и псковское вече получило больше самостоятельности и независимости и подчас начало выказывать сопротивление распоряжениям новгородского веча, впрочем, все еще под руководством новгородских бояр, по каким-либо обстоятельствам удалявшихся во Псков. В это-то время псковское вече начало, хотя еще непостоянно, принимать или приглашать во Псков особых князей мимо Новгорода. Далее, когда Псков, не разрывая еще своей родственной связи с Новгородом, настолько усилился и разбогател, что уже сам построил несколько пригородов, вполне ему подчиненных, и не только в большей части случаев не стал нуждаться в пособии новгородцев, но уже нередко расходился в своих местных интересах с новгородскими интересами, тогда и псковское вече приобрело большую самостоятельность и ежели иногда еще признавало решения новгородского веча, то в таком только случае, когда сии решения были согласны с его собственными видами. Оно уже больше не подчинялось руководству новгородских бояр, а напротив того, и может быть именно вследствие того, что в предшествовавшее время слишком сильно высказалось влияние сих бояр, сложилось в чисто демократическом духе и смотрело как на новгородских бояр, еще иногда приходивших во Псков, так и на своих только как на слуг народной воли. Наконец, с половины XIV столетия, когда самостоятельность и независимость Пскова была признана самим Новгородом по мирному dokonчанию 1347 года, тогда и псковское вече приобрело вполне самостоятельную верховную власть, уже не зависящую ни от какой другой власти ни во внутреннем управлении, ни в сношениях с соседними владетелями. Впрочем, эта неограниченная власть веча во Пскове была непродолжительна. Псков, окруженный со всех сторон сильными соседями, волей-неволей должен был избрать себе покровителя, на которого в случае нужды мог бы опираться; и таковым покровителем в конце XIV столетия явился князь Московский, от которого Псков начал получать себе князей, а с тем вместе, разумеется, и псковское вече до некоторой степени подчинилось московскому влиянию. Влияние это до половины XV века было едва заметно и нисколько не стесняло самостоятельности псковского веча. Самостоятельность Пскова во все это время была нужна для московских князей по их отношениям к Новгороду и Литве, а потому они не только не стесняли власти псковского веча, а напротив, старались поддерживать ее. Но во второй половине XV века обстоятельства сильно изменились не в пользу самостоятельности Пскова; а посему влияние московского государя год от года стало сильнее тяготеть над псковским вечем и кончилось тем, что когда самостоятельность Пскова более уже не была нужна для московского государя, то великий князь Василий Иванович в 1510 году объявил чрез своего дьяка, чтобы во Пскове вечу не быть и вечевой колокол снять. И 13 января, по последнему определению, вечевой колокол сняли и отвезли в Светогорский монастырь, откуда великокняжеский дьяк переправил его к великому князю, бывшему тогда в Новгороде.

Псковское вече, по началу своему одинаковое с вечем новгородским, мало-помалу с течением времени, согласно с обстоятельствами, в которых находился Псков, выработалось своеобразно и далеко оставило за собой новгородское вече относительно развития своей власти, которую оно постоянно ревниво старалось охранять как выражение воли целого народа, и строго держало в полном подчинении все другие власти.

Состав вече и его права

1. По составу своему псковское вече, по-видимому, совершенно было одинаково с новгородским вечем: оно состояло из больших и меньших людей, или из бояр и людинов; но, в сущности, на псковском вече не было ни больших, ни меньших, а все были равны, все были только мужи псковичи, господин Псков нераздельный, и вечевые грамоты писались не от больших и меньших, а от всего Пскова. Конечно, под мужами псковичами разумелись только полноправные граждане, действительные члены псковских общин, домохозяева, а не бездомный сброд. Псковское вече тем преимущественно по своему составу и отличалось от новгородского, что ни в каком случае не допускало к себе бездомной вольницы или насильственного незаконного веча, согнанного какою-либо партией бояр, что иногда еще бывало в Новгороде. В летописях и других памятниках нет и помину о шумных незаконных вечах во Пскове; там вече всегда отличалось согласием и недопущением господства партий. Еще отличительною чертой в составе псковского веча было то, что на этом вече непременно участвовало и духовенство, так что вечевые грамоты писались не иначе как по благословению отцов своих попов всех соборов, и священноиноков, и диаконов, и всего Божьего священства, всем Псковом.

2. Псковское вече судило и рядило всегда самостоятельно, независимо ни от каких властей, хотя власти и допускались к присутствию на вече, а иные даже были обязаны непременно присутствовать; но они могли делать только предложения вечу, решение же дел принадлежало самому вечу, как прямо сказано в судной Псковской грамоте; «а князю и посаднику на вече суда не судить».

3. В отношении к другим псковским властям псковское вече пользовалось таким высоким значением, что все власти находились в полной зависимости от веча – их распоряжения не имели никакой силы, ежели вече находило их неудобными. Псковский князь, уже посаженный на князем столе, в храме Св. Троицы, должен был идти на вече и там давать присягу ко Пскову на суде, и на пошлинных грамотах, и на всех старинах псковских; а без этого он не допускался к исправлению своих обязанностей, и его власть считалась несуществующею, или незаконною и необязательною для Пскова. Другие выборные власти должны были также присягать на вече Пскову, что они будут верными его слугами. Только одна власть владыки не давала присяги на вече; но она за это всегда считалась чуждой властью и находилась в постоянной борьбе со Псковом и была связана, что называется, по рукам и ногам, разными условиями и надзором от веча.

4. Все власти, за исключением власти владычней, избирались и назначались вечем; без выбора и утверждения веча никто не мог занять никакой общественной должности; князь избирался вечем; воеводы, судьи, сотские и все другие также избирались вечем; и власть их до тех пор только признавалась действительной и законной, пока они пользовались доверием веча. Вече, передавшее им определенные степени власти, имело право не только лишать их данной власти, но судить и наказывать, и тому или другому решению веча никто не смел противиться. Так, например, в 1484 году вече решило написать мертвую грамоту на бежавших в Москву посадников, и на таковое решение не было протеста в целом Пскове; грамота была написана и, как закон, выражающий волю целого народа, положена в ларь Св. Троицы вместе с другими законами, и тем самым беглецы были приговорены к смерти, лишены покровительства законов, а имущество их опечатано в пользу общественной казны Пскова.

5. Верховная власть веча, в самом обширном смысле этого слова, распространялась на все псковские владения, на все пригороды. Псковское вече держало пригороды в полном подчинении своим приговорам и требовало, чтобы они о всех общественных делах обращались в нему за разрешением и не распоряжались своевольно, в противном случае налагало

на своевольный пригород тяжелую пеню. Так, под 1477 годом читаем в летописи: «Псков (Псковское вече) опалился и изпродал опочан (разгневался и положил пеню на пригород Опочку), а взял сто рублей (пеня) за то, что они повесили татя коневого, а без псковского (веча) повеленья». Значит, псковское вече точно так же хозяйничало в пригородах, как и в самом Пскове, и строго смотрело за тем, чтобы везде в Псковской земле делалось не иначе как по его повелениям.

6. Вече одно издавало законы для всей Псковской земли и утверждало их положением в ларь Св. Троицы, и строго наказывало того, кто осмелился бы издать какой закон и положить в ларь Св. Троицы не спросясь веча, хотя бы издавший действовал по власти, данной ему вечем. Так, под 1484 годом в летописи сказано: «Вече из заповеди закликало посадников (лишило покровительства законов), что грамоту новую списали и в ларь вложили на сених с князем Ярославом, а Псков того не ведает». Равным образом отмена законов принадлежала только вечу, как прямо говорит псковская судная грамота: «А которой строке пошлинной грамоты (закона) нет; и посадником доложить господина Пскова на вече, да тоя грамота написать. А которая строка нелюба будет господину, Пскову; ино та строка вольно выписать вон из грамот».

7. Никакое общественное дело не могло быть начато без разрешения веча; построение городских стен, постройка мостов, даже церквей, – все делалось с разрешения веча и даже нередко под надзором назначенных вечем комиссаров. Так, например, в 1476 году вече разрешило слобожанам Кокшинской волости поставить город у реки Лоди и вслед за выдачею вечевой грамоты на постройку города послало на место, где будут ставить город, двух посадников и бояр своих из всех концов, которые должны были распоряжаться строением и донести вечу, когда город будет поставлен. От веча же зависели назначение мер, весов и ходячих денег. Так, под 1409 годом читаем в летописи: «Отложиша (все Псковичи, вече) во Пскове кунами торговати, и начаша торговати пенязи». Или под 1424 годом: «Начаша Псковичи деньгами торговати, чистым серебром», самые клеймы на монетах показывали, что монеты чеканились не иначе как по повелению всего Пскова или веча, ибо надпись на клеймах состояла только в том, что деньга псковская. Или относительно перемены торговых мер под 1458 годом сказано: «Того же лета прибавиша псковичи зобницы (увеличили хлебную меру) и палицу привишили к зобенью (к меренью хлеба привесили правило, палку, чтобы сравнивать зерны и вообще сыпучий товар с краями меры, или чтобы поколачивать меру, чтобы плотнее улеглось зерно) при посаднике степенном Алексее Васильевиче, а старых посадников, (которые своевольно уменьшили перед тем меру) избив на вече». Все распоряжения и правила относительно торговли также утверждались и издавались вечем или с его разрешения, а равным образом также и отменялись; например, под 1472 годом летопись говорит: «Посадник Псковский Афанасий Юрьевич, и бояре псковские, и сотские и судьи льняную грамоту подраша, вынемше из ларя (конечно по приговору веча, как показывает продолжение рассказа), и бысть всем христианом радость велия, с осми бо год она была в лари (действующим законом по торговле льном) да много христианам истомы и убытков в тое время было». Назначение разных поборов, раскладка податей и повинностей, наряды на службу, пожалование земель или каких-либо привилегий по всей Псковской земле единственно принадлежало только псковскому вечу, а никакой другой власти.

8. Объявление войны от Пскова, заключение мира, снаряжение псковских послов к соседним государям и прием чужих послов во Пскове, – все принадлежало вечу. Вече само непосредственно заведовало сношениями с соседними государствами; каждый псковский посланник, возвращаясь домой по исполнению возложенного на него поручения, должен был явиться на вече и вечу представить подробный отчет о том, как он исполнил поручения; все указы посланникам давало только само вече; все договорные грамоты писались не иначе как на вече и от имени веча или Пскова; чужестранные послы непременно пред-

ставлялись вече и вече излагали требования своих правительств. Так, в летописи под 1460 годом сказано: «И слышавше псковичи великого князя в Новгороде, и послаша послов своих в Великий Новгород, Юрья посадника Тимошеевича, Максима Ларивоновича, и бояр из всех концов, и даша псковичи дарове князю великому 50 рублей, и повелеша им бити челом господину и государю великому князю Василью Васильевичу о жалованье и о печаловании своей отчины, мужей псковских, добровольных людей, что есми приобижены от поганных немец и водою, и землею, и головами, и церкви Божии пожжены от поганных на миру и на крестном целовании». Или в 1463 году послы магистрата ливонского и рижского архиепископа при заключении мира целовали крест, и печати свои к грамоте привесли пред воеводою великого князя. Или в 1464 году московский посол Давид Бибииков правил посольство от великого князя и говорил на вече Пскову, что князь великий челобитье псковское принял. Или в 1471 году псковские послы, возвратившиеся с посольства к Литовскому великому князю, отдавали отчет о своем посольстве на вече перед Псковом.

9. Обычное узаконенное место сбора псковского веча находилось при церкви Св. Троицы, где на паперти, или, как говорили во Пскове, на сенях, этой церкви висел и вечевой колокол, известный по Псковским летописям под именем Корсунского вечника, и на площади у этой церкви были устроены особые места, для сиденья членам веча, называвшиеся степенями. Судя по нескольким известиям Псковской летописи, вече во Пскове созывалось звоном вечевого колокола. Так, под 1518 годом летопись говорит: «Тоя же весны прислал князь великий в живоначальной Троицы большой колокол, где вечевой был, а прежде того за немного прислал меньшей колокол в Корсунского место, что на сенях в него звонили, как вече было». Или под 1510 годом в той же летописи сказано: «Свитающу дню недельному, позвониша вече, вшел Третьего в вече, и посадники псковские и псковичи начаша ему говорить». Созывать вече во Пскове могли или имели право только одни степенные посадники, как выбранные самим вечем, постоянные земские представители веча, когда оно не в сборе. Обычным временем для сбора веча, кажется, было утро, после обеден. Чрезвычайные же веча допускались во всякое время дня и ночи: так, под 1480 годом читаем в летописи: «И пригониша гонец нощию»: уже господа псковичи Вышгород взяли немцы, «и посадники псковские вече с звонили нощию дважды, и поехаша посадники и мужи псковичи той нощи, срубившие с четырех сох конь». Или о последнем вече 1510 сказано: «Свитающу дни недельному, позвониша вече». Во Пскове, как и в Новгороде вече имело свою печать, которою утверждались все грамоты, издаваемые вечем; на печати этой изображался пард (леопард), бегущий вправо, а вокруг парда слова: «Печать государства псковскаго». На висячих же печатях псковского веча на одной стороне изображался пард, бегущий вправо, а на другой – «печать псковская». Псковское вече имело «своих дяков, которые записывали определения веча, составляли вечевые грамоты и вообще вели письменные дела веча. Члены, по всему вероятно, садились на вече, уличане со своими уличанами, кончане со своими кончанами при своих старостах; открывали же вече посадники, к которым стекались все общественные дела.

10. Кроме общего веча целого города, вероятно, были еще веча по концам и улицам, по призыву кончанских и уличанских старост и сотских; а также были веча по пригородам по призыву и под руководством пригородских посадников. Но чтобы были когда-нибудь во Пскове веча незаконные, составленные какой-либо партией, об этом нет и намеков в летописях и других памятниках. Псков, по своему чисто демократическому устройству, очевидно, был свободен от появления таковых веч; во Пскове партии были так слабы, что ничего не значили пред голосом законного веча. Мало этого, вече во Пскове обыкновенно вело свои дела тихо и чинно; только уже пред конечным падением псковского веча летопись начинает жаловаться на кричание на вечах и выставляет это кричание одной из причин падения веча.

Посадник

После веча следовали власти, избираемые самим вечем для постоянного ведения общественных дел, когда вече не было в сборе. Из выборных властей самая важная была власть посадника, в которой выражалась до некоторой степени власть самого веча, но которая состояла в полном подчинении вечу. Первоначально, когда Псков был в полной зависимости от Новгорода, псковские посадники обыкновенно или по преимуществу назначались новгородским вечем и, следовательно, были представителями власти новгородского, а не псковского веча; они были собственно как бы наместниками новгородскими во Пскове и потому не пользовались значением псковских выборных властей; о них псковские летописи даже не упоминают; и так продолжалось вплоть до XIV столетия. В первый раз псковская летопись упоминает о псковском посаднике Борисе, вероятно выборном от псковского веча, а не присланном из Новгорода. Летопись под 1308 годом о нем говорит: «Посадник Борись замыслил» помостить торговище, и бысть всем людям добро; а в следующем 1309 году тот же Борис посадник вместе с вечем заложил плитяную стену от церкви святых апостол Петра и Павла к реке Великой, и скончался в 1312 году. Преемником Бориса, по всему вероятно, был посадник Селило Олексинич, убитый немцами под Псковом в 1327 году. За Селилой следовал посадник Селога или Солога, правивший посольство от Пскова к великому князю Московскому Ивану Даниловичу, стоявшему с войском у города Опочки. Этот же посадник, по определению веча, в 1330 году поставил новый город Изборск на Жеравей горе и в 1337 году, по определению веча, поправлял укрепления псковского детинца и в том же году скончался. Преемником его был посадник Илья Борисович, вероятно, сын первого выборного псковским вечем посадника Бориса. Он в 1341 году водил псковичей против немцев на реку Лмовжу и в том же году защищал против немцев Изборск, а в 1348 году водил псковичей к Орешку помогать новгородцам против шведов. При этом посаднике псковское вече в 1341 году просило у новгородцев помощи и наместника. Это известие прямо говорит, что посадник Илья был уже псковским выборным посадником, а не присланным из Новгорода, иначе не было бы нужды просить еще у новгородцев наместника. При этом посаднике летопись под 1343 годом упоминает об одновременном ему посаднике Володше, который вместе с князьями Иваном и Евстафием водил псковичей и изборян против немцев к городу Медвежьей Голове; следовательно в это уже время Псков одновременно имел двух посадников. А под 1348 годом упоминается еще третий современный Илье посадник Иван, по определению веча водивший псковскую рать к Немецкому городку на Нарове. Не был ли он избран на место посадника Володши, о котором уже не упоминается после 1343 года. Затем в известиях о посадниках после 1348 года летописи представляют перерыв до 1375 года, в котором упоминается посадник Григорий Остафьевич, но этот двадцатисемилетний перерыв вовсе не означает, чтобы во все это время не было посадников во Пскове, ибо под 1368 годом есть следующее известие: «На борзе рать немецкая прииде ко Пскову; и по грехам нашим тогда не бысть во граде ни князя Александра, ни посадников, но по селам в разъезде». Следовательно, во Пскове постоянно было по несколько посадников; перерыв же, замечаемый в летописях, произошел по недостатку известий, дошедших до летописцев.

Во Пскове, так же как и в Новгороде, в посадники избирались исключительно из боярских фамилий, и даже заметно нередко из одних и тех же фамилий; так, мы уже видели, что первого выборного посадника Бориса сын Илья также был посадником. Или под 1404 годом упоминается о посаднике Леонтии, а под 1426 годом уже встречается в числе посадников сын его Сильверст Леонтьевич. Или в 1406 году упоминается посадник Ларион Дойникович, а в 1456 году был посадником сын его Максим Ларионович, бывший в 1444 году воеводой на Нарове с титулом сына посадника. Но, очевидно, демократический Псков нестрого дер-

жался правила выбирать посадников из одних и тех же боярских фамилий: там не было таких сильных боярских домов, как в Новгороде, а посему вече было совершенно свободно в своем выборе и не справлялось с родословными книгами псковских бояр, а придерживалось одного правила, чтобы выбирать людей надежных, заручивших себя перед Псковом своими способностями и преданностью Господину Пскову. Так, например, в 1341 году Володша Строилович сделался заметным своей храбростью и распорядительностью при защите Изборска, и вече на другой год избрало его в посадники. Посадники во Пскове, так же как и в Новгороде, избирались не на срок, по крайней мере в памятниках нет и намеков на сроки. Избрание обыкновенно производилось, чтобы избранному оставаться до тех пор в должности, пока будет угоден вечу, или сколько послужить; но, очевидно, во Пскове посадники долго не засиживались на своей должности, ибо по летописям мы то и дело встречаем новых посадников. Раз выбранный в посадники, хотя бы и был смещен со степени, навсегда удерживал звание старого посадника, и его дети назывались посадничьими детьми. Посадник, смещенный со степени, чрез несколько времени опять мог быть выбран в степенные посадники. Например, посадник Юрий Тимофеевич в 1431 году был степенным посадником вместе с Якимом Павловичем, а в 1432 году они оба, уже в звании старых посадников, были отправлены посланниками в Новгород, а в 1453 году Юрий Тимофеевич опять был степенным посадником. По частой смене посадников со степени во Пскове всегда было много старых посадников; так, например, в 1471 году на помощь московскому князю против Новгорода было послано псковичами тринадцать псковских посадников с псковской силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.